
Безымянные
Книга I
Тот, кого не было

Андрей Чернов

Безымянные. Книга первая

https://litres.ru/74941732
SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если человека можно стереть из мира, не оставив даже памяти о нём?

В мире, где память определяет существование, а забытое постепенно перестаёт быть реальным, Элиас Вейн обнаруживает нечто невозможное — след того, кого никогда не существовало.

Но чем глубже он погружается в тайну, тем сильнее рушится граница между прошлым и настоящим, между собственной личностью и чужими воспоминаниями. Люди исчезают, истории меняются, а истина оказывается страшнее любого вымысла.

Некоторые тайны хранят не для того, чтобы их раскрыли. Некоторые имена исчезают не случайно. И иногда, чтобы доказать, что ты существовал, недостаточно даже собственной памяти.

Ведь если мир забыл тебя — кто сможет доказать, что ты когда-либо был?

Содержание

Глава 1. Человек без свидетелей 4
Глава 2. Остаточное свидетельство 24
Глава 3. Обычная жизнь 48
Глава 4. Ошибка в реестре 71
Глава 5. Архивариус, которого не было 104
Глава 6. Мастер печатей 138
Глава 7. Чужое детство 170
Глава 8. Три удара 198
Глава 9. Мужчина №001 238
Глава 10. За дверью 269
Глава 11. Семь возвращений 308
Конец ознакомительного фрагмента. 337

Андрей Чернов
Безымянные. Книга первая

Глава 1. Человек без свидетелей

В Вальдрене не любили тишину.

Не потому, что она пугала людей. Просто тишина была ненадёжна. В ней слишком отчётливо слышались мысли, а мысли, как давно установила Церковь, не всегда принадлежали тем, кто их думал.

Поэтому город никогда не спал полностью.

Ночью работали переписчики, дежурили хранители архивов, звонили колокола на башнях свидетельств. Даже в самых бедных кварталах кто-нибудь обязательно произносил вслух имена умерших.

Элиас Вейн считал эту привычку бессмысленной.

Мёртвым не требовалось, чтобы их помнили.

Живым — иногда требовалось.

Он стоял перед высокими дверями Палаты Последнего Свидетеля и наблюдал, как дождь стекает по каменным ступеням. Вода собиралась в трещинах, темнела и медленно уходила в узкие водостоки. На противоположной стороне улицы двое мальчишек пытались укрыть от дождя корзину с яблоками. Один держал над ней плащ, другой ругался, потому что вода всё равно попадала внутрь.

Обычное утро.

Элиас посмотрел на часы.

До начала процедуры оставалось четыре минуты.

Он поправил левую перчатку.

Кожа на сгибе ладони давно потрескалась, но менять её он не собирался. Новые перчатки всегда казались ему слишком жёсткими. Эта, напротив, уже давно приняла форму его руки.

За спиной открылась дверь.

— Господин Вейн?

Элиас обернулся.

На пороге стоял молодой служитель в тёмной одежде Церкви. На вид ему было не больше двадцати пяти. Лицо бледное, волосы аккуратно зачёсаны назад, воротник застёгнут до самого горла.

— Да.

— Вас ожидают.

— Кто?

Служитель на мгновение замялся.

— Осуждённый.

— Я знаю, кто меня ожидает.

— Прошу прощения.

Элиас ничего не ответил и прошёл внутрь.

В Палате пахло мокрой шерстью, воском и старой бумагой. Под высоким сводчатым потолком горели шесть масляных ламп. Их свет ложился на стены неровными пятнами,

оставляя углы помещения в полумраке.

У входа дежурили двое стражников.

Один узнал Элиаса и коротко кивнул.

— Доброе утро, господин Вейн.

— Доброе.

— Дождь сегодня сильный.

Элиас посмотрел на его сапоги.

— Вы промочили ноги.

Стражник опустил глаза.

— Немного.

— Тогда смените обувь до следующего дежурства. Простуда не является основанием для освобождения от службы.

Он прошёл дальше.

Служитель провёл его по длинному коридору. На стенах

висели портреты прежних хранителей. Все они были изображены одинаково: прямой взгляд, спокойное лицо, одна рука на раскрытой книге.

Под каждым портретом находилась надпись:

Пока имя сохранено, существование подтверждено.

Элиас видел эту фразу сотни раз.

Она давно перестала вызывать у него какие-либо чувства.

В конце коридора находилась дверь без ручки. Служитель приложил ладонь к металлической пластине. Раздался негромкий щелчок.

— Процедурная, — сказал он.

— Я знаю.

— Сегодняшний случай несколько необычный.

Элиас остановился.

— В чём именно?

— Осуждённый отказался подписывать признание.

— Он признал вину на суде?

— Да.

— Тогда подпись не требуется.

— Он также потребовал личной встречи с исполнителем.

Элиас посмотрел на служителя.

— Зачем?

— Не объяснил.

— Вы спрашивали?

— Трижды.

— И?

— Он сказал, что объяснит вам.

Элиас выдержал короткую паузу.

— Тогда не вижу проблемы.

Служитель открыл дверь.

В процедурной было холоднее, чем в коридоре.

Посреди комнаты стоял тяжёлый стол из чёрного камня. По его поверхности проходили тонкие серебристые линии, образующие сложный круг. В центре круга находилась небольшая углублённая площадка.

За столом сидел мужчина.

На вид ему было около пятидесяти. Худой, с впалыми щеками и короткими седыми волосами. Одежда простая, тёмная. Руки лежали на коленях.

Никаких цепей.

В этом не было необходимости.

Перед человеком, ожидавшим уничтожения имени, ставили печать Последнего Свидетеля. После её активации он уже не мог покинуть помещение.

Элиас положил на стол кожаную папку.

— Назовите себя.

Мужчина поднял глаза.

— Зачем?

— Для подтверждения личности.

— Вы ведь знаете, кто я.

— Я знаю, что написано в вашем деле.

— И этого достаточно?

— Для процедуры — да.

Мужчина улыбнулся.

Улыбка была слабой, почти незаметной.

— Тогда начинайте.

Элиас открыл папку.

— Вы обвиняетесь в незаконном сохранении воспомина-

ний умерших, вмешательстве в структуру Связи и сокрытии свидетельств, признанных Церковью утратившими право на существование.

— Красиво сказано.

— Вы признаёте обвинения?

— Признаю.

— Оспариваете решение суда?

— Нет.

Элиас поднял взгляд.

— Тогда зачем вы потребовали встречи?

Мужчина некоторое время молчал.

— Хотел посмотреть на вас.

— Посмотрели.

— Не совсем.

Он наклонил голову, внимательно изучая лицо Элиаса.

— Вы изменились.

— Мы знакомы?

— Да.

— Я вас не помню.

— Это ожидаемо.

Элиас закрыл папку.

— Вы хотите сообщить что-нибудь, имеющее отношение к делу?

— Да.

— Говорите.

Мужчина посмотрел на его левую руку.

Затем перевёл взгляд на лицо.

— Ты всё ещё носишь её.

Элиас опустил глаза на перчатку.

— Что именно?

— Привычки переживают человека дольше, чем память.

— Я не понимаю, о чём вы.

— Конечно.

Мужчина откинулся на спинку стула.

— Сколько тебе сейчас?

— Тридцать восемь.

— Нет. Сколько лет прошло с тех пор, как ты впервые увидел меня?

Элиас почувствовал лёгкое раздражение.

— Мы не встречались.

— Ты уверен?

— Достаточно.

— Тогда почему ты не можешь посмотреть на меня?

Элиас посмотрел ему прямо в глаза.

— Я смотрю.

— Нет. Ты смотришь на человека, которого собираешься уничтожить. Это разные вещи.

Служитель у двери переступил с ноги на ногу.

Элиас не обратил на него внимания.

— Вы пытаетесь затянуть процедуру?

— Нет.

— Тогда закончим.

Он достал из папки металлическую пластину с выгравированным знаком Церкви и положил её в центр каменного стола.

Серебристые линии едва заметно засветились.

— Назовите имя.

Мужчина улыбнулся во второй раз.

На этот раз в его лице появилось что-то похожее на усталость.

— Ты ведь помнишь свою мать?

Рука Элиаса замерла над печатью.

Вопрос был настолько неуместным, что несколько секунд он просто смотрел на осуждённого.

— Повторите.

— Твою мать. Ты помнишь её?

— Это не имеет отношения к процедуре.

— Конечно, имеет.

— Вы не имеете права обсуждать мою семью.

— А ты уверен, что она у тебя была?

В комнате стало тихо.

Где-то за стеной негромко ударили часы.

Элиас медленно убрал руку от печати.

— Объяснитесь.

Мужчина наклонился вперёд.

— Как она выглядела?

— Прекратите.

— У неё были тёмные волосы?

Элиас не ответил.

— Или светлые?

— Последнее предупреждение.

— Она держала тебя за руку, когда ты боялся темноты?

Элиас почувствовал, как напряглась челюсть.

Перед глазами неожиданно возникло воспоминание.

Небольшая комната. Свет из окна. Женская рука, лежащая на его голове. Запах чего-то сладкого и тёплого.

Он не мог вспомнить лицо.

Только голос.

Тихий, усталый.

Не открывай дверь после третьего удара.

Элиас моргнул.

Воспоминание исчезло.

— Вы закончили?

Мужчина посмотрел на него с неожиданной жалостью.

— Нет, Элиас.

Он впервые произнёс его имя.

— Она никогда не была твоей матерью.

Элиас активировал печать.

Серебряные линии вспыхнули холодным светом.

Мужчина не закричал.

Не попытался вырваться.

Только закрыл глаза.

Сначала исчезли его руки.

Затем одежда.

Потом лицо.

Процедура длилась меньше десяти секунд.

Когда свет погас, стул оказался пуст.

Элиас выждал положенное время, проверил показания печати и поставил подпись в протоколе.

— Завершено, — сказал он.

Молодой служитель подошёл к столу.

— Всё прошло штатно?

— Да.

— Он сказал что-нибудь важное?

Элиас посмотрел на него.

— Нет.

Служитель кивнул и потянулся к документам.

Элиас уже собирался уходить, когда заметил на столе чашку.

Небольшая керамическая чашка с тонкой трещиной у основания.

В ней оставалось немного воды.

— Чья это?

Служитель проследил за его взглядом.

— Что именно?

— Чашка.

— Какая чашка?

Элиас указал на стол.

Служитель посмотрел туда, затем нахмурился.

— Здесь ничего нет.

Элиас медленно перевёл взгляд на чашку.

Она стояла прямо перед ним.

Белая керамика. Трещина у основания. Несколько капель воды на каменной поверхности.

Он протянул руку и коснулся её пальцами.

Холодная.

Настоящая.

— Вы её не видите? — спросил Элиас.

Служитель побледнел.

— Кого?

Элиас убрал руку.

Несколько секунд он смотрел на молодого человека, пытаясь понять, шутит тот или действительно не замечает предмета.

Затем взял чашку.

— Ничего.

Он положил её в кожаную сумку и направился к выходу.

За спиной служитель что-то сказал, но Элиас уже не слушал.

В коридоре снова пахло воском и мокрой бумагой.

Портреты хранителей смотрели на него с привычным спокойствием.

На улице дождь почти закончился.

Элиас остановился под навесом и посмотрел на часы.

Процедура заняла девять минут.

Он машинально поправил левую перчатку.

Затем заметил, что его пальцы дрожат.

Элиас сжал руку в кулак.

Это была усталость.

Не более того.

Он повторил это про себя ещё дважды, прежде чем направиться домой.

Глава 2. Остаточное свидетельство

Элиас не любил возвращаться на работу дважды за один день.

Обычно это означало, что кто-то допустил ошибку. Иногда — что ошибку допустил он сам.

Второй вариант был неприятнее.

К полудню дождь прекратился. Над Вальдреном повисло низкое серое небо, а с крыш старых домов продолжала стекать вода. На мостовых оставались лужи, в которых отражались башни архивов и узкие шпили храмов.

Элиас шёл быстро.

В сумке лежала чашка.

За последние два часа он доставал её трижды. Каждый раз осматривал трещину у основания, проверял поверхность и проводил пальцем по краю.

Обычная керамика.

Ничего необычного.

И всё же он был уверен, что видел её в процедурной.

Этого было достаточно, чтобы вернуться.

Палата Последнего Свидетеля встретила его тем же запахом воска и старой бумаги. У входа сидел дежурный писарь. Он поднял голову, узнал Элиаса и поспешно встал.

— Господин Вейн. Что-то случилось?

— Мне нужен протокол сегодняшней процедуры.

— Какой именно?

— Уничтожение имени. Утреннее.

Писарь открыл регистрационную книгу.

Его палец скользил по строкам, пока не остановился на нужной дате.

— Сегодня было три процедуры, господин Вейн.

— Моя была первой.

— Ваша?

— В семь часов сорок минут.

Писарь посмотрел на книгу.

Затем ещё раз.

— Простите, но в это время процедур не проводилось.

Элиас снял перчатку с правой руки.

— Посмотрите внимательнее.

— Я смотрю.

— Тогда найдите запись.

Писарь провёл пальцем по странице.

— В восемь часов десять минут проводилось освидетельствование имущества. В девять двадцать — подтверждение родственных связей. В десять сорок — уничтожение имени. Исполнитель — господин Рейнер.

— Это невозможно.

— Возможно, вы ошиблись датой?

Элиас посмотрел на него.

— Нет.

— Тогда я могу запросить архивные записи.

— Запрашивайте.

Писарь направился к боковой двери.

Элиас остался стоять у стойки.

Он чувствовал, как внутри нарастает раздражение. Не страх. Не тревога. Именно раздражение — привычная реакция на ситуацию, в которой кто-то не выполнял свою работу должным образом.

Через несколько минут писарь вернулся.

В руках он держал тонкую папку.

— Вот протокол за сегодняшнее утро.

Элиас открыл её.

На первой странице стояла дата.

Ниже — время первой процедуры: восемь часов десять минут.

Он быстро пролистал документы.

Никакого упоминания о мужчине, которого он уничтожил.

Никакого упоминания о себе.

— Кто проводил процедуру в семь сорок?

— Никто.

— Кто находился в процедурной?

— В это время помещение было закрыто.

— Кто был осуждённым?

Писарь нахмурился.

— Простите?

— Человек, которого я уничтожил сегодня утром.

Писарь осторожно посмотрел на Элиаса.

— Господин Вейн, я не понимаю, о чём вы говорите.

— Вы видели меня утром.

— Да.

— Я проходил через эту дверь.

— Разумеется.

— Тогда объясните, почему в книге нет записи.

Писарь опустил взгляд.

— Возможно, произошла ошибка при регистрации.

— Вы только что сказали, что процедуры не было.

— Я сказал, что её нет в книге.

Элиас закрыл папку.

— Кто отвечает за архив?

— Старший регистратор.

— Позовите его.

Писарь исчез за дверью.

Элиас остался один.

На стене напротив висели часы. Их стрелки двигались почти бесшумно. Под ними находилась надпись, высеченная в камне:

Незаписанное не может быть подтверждено.

Он смотрел на неё несколько секунд.

Затем достал из сумки чашку.

Поставил на стойку.

— Вы видите это?

Писарь вернулся как раз в тот момент, когда чашка коснулась дерева.

Он остановился.

— Что именно?

Элиас почувствовал, как внутри что-то неприятно сжалось.

— Чашку.

Писарь посмотрел на пустую поверхность стойки.

— Здесь ничего нет.

Элиас медленно убрал руку.

Он не стал спорить.

Старший регистратор оказался невысоким мужчиной с редкими волосами и тяжёлыми веками. На его одежде висели три серебряные печати — знак старшего служителя архивной палаты.

Он выслушал Элиаса, не перебивая.

Затем попросил повторить время процедуры.

— Семь сорок.

— Имя осуждённого?

Элиас открыл рот.

И замолчал.

Он помнил лицо мужчины.

Помнил его голос.

Помнил слова о матери.

Но имя…

Элиас закрыл глаза, пытаясь восстановить услышанное.

В голове возникло что-то похожее на шёпот.

Несколько звуков.

Ни одного целого слова.

— Я не помню, — наконец сказал он.

Регистратор посмотрел на него внимательнее.

— Вы не помните имя человека, которого уничтожили?

— В документах оно было.

— Тогда почему вы не помните?

— Потому что документы исчезли.

— Документы не исчезают сами по себе.

Элиас положил ладони на край стола.

— Именно поэтому я здесь.

Регистратор некоторое время молчал.

Затем открыл ящик и достал небольшой металлический прибор. На его поверхности находилось круглое стекло с нанесёнными делениями.

— Позвольте вашу левую руку.

Элиас посмотрел на прибор.

— Что это?

— Проверка остаточной Связи.

— Я знаю, что это такое.

— Тогда вы знаете, что проверка необходима.

Элиас неохотно протянул руку.

Регистратор снял перчатку и приложил прибор к основанию ладони.

Стрелка внутри стекла дрогнула.

Один раз.

Затем второй.

Потом резко ушла к краю шкалы.

Регистратор быстро убрал прибор.

— Что это означает? — спросил Элиас.

— Возможно, неисправность.

— Покажите.

Регистратор перевернул прибор.

На обратной стороне проступила тонкая трещина.

— Его нужно проверить.

— Вы уверены, что дело в приборе?

— Господин Вейн, я не вижу оснований продолжать этот разговор.

— Я тоже пока не вижу оснований его заканчивать.

Регистратор поднялся.

— Вы работаете на Церковь пятнадцать лет. Вы знаете порядок. Если в процедуре была ошибка, она будет рассмотрена.

— Кем?

— Надлежащими служителями.

— И когда?

— Когда придёт время.

Элиас медленно надел перчатку.

— Вы мне не доверяете.

— Я доверяю записям.

— А если записи неверны?

Регистратор посмотрел на него с выражением, в котором впервые появилось что-то похожее на сожаление.

— Тогда, господин Вейн, у нас нет другого способа узнать правду.

Он покинул Палату через боковой выход.

На улице было холоднее, чем утром.

Элиас остановился у каменной стены и достал из кармана небольшой блокнот. Он всегда носил его с собой. Привычка, оставшаяся ещё со времён обучения.

На первой странице были записаны правила проведения процедуры.

На последней — список дел, которые он собирался проверить на этой неделе.

Элиас перевернул чистую страницу.

Написал:

Сегодня. Семь сорок.

Ниже:

Мужчина. Около пятидесяти лет. Седые волосы.

Затем:

Чашка. Белая керамика. Трещина у основания.

Он задумался и добавил:

Слова: «Она никогда не была твоей матерью».

Перо остановилось.

Элиас перечитал написанное.

Почерк был его собственным.

Но последняя строка показалась ему странно знакомой.

Он провёл пальцем по чернилам.

Внизу страницы обнаружилась ещё одна запись.

Её он не делал.

Почерк был мелким, неровным, с сильным нажимом.

Не позволяй им провести вторую процедуру.

Элиас перевернул страницу.

Чисто.

Посмотрел на предыдущую.

Тоже чисто.

Он закрыл блокнот.

Домой Элиас вернулся после полудня.

На лестнице его встретила соседка — пожилая женщина, жившая этажом ниже. Она несла корзину с бельём.

— Добрый день, господин Вейн.

— Добрый.

Женщина остановилась.

— Простите, можно вас спросить?

— Конечно.

— Вы давно здесь живёте?

— Около десяти лет.

Она нахмурилась.

— Странно.

— Что именно?

— Мне казалось, что вы переехали совсем недавно.

Элиас посмотрел на неё.

— Мы знакомы девять лет.

— Да?

— Вы несколько раз просили меня помочь с замком.

Женщина смущённо улыбнулась.

— Наверное, я путаю.

Она собиралась пройти мимо, но вдруг остановилась.

— А ваша мать?

Элиас не шевельнулся.

— Что?

— Она ведь иногда приезжала к вам?

Вопрос прозвучал настолько естественно, что он на мгновение забыл о том, что произошло утром.

— Нет.

— Как нет?

— Она умерла.

Женщина опустила глаза.

— Простите. Я не знала.

— Вы знали.

Она посмотрела на него с искренним недоумением.

— Нет, господин Вейн. Я никогда не встречала вашу мать.

Элиас ничего не ответил.

Женщина поднялась по лестнице.

Уже на следующем пролёте она обернулась.

— Вы ведь не сердитесь?

— Нет.

— Хорошо. Просто вы иногда смотрите на людей так, будто пытаетесь вспомнить, откуда их знаете.

Она скрылась за поворотом.

Элиас ещё некоторое время стоял неподвижно.

Затем поднялся к себе.

В квартире было тихо.

Он запер дверь, снял пальто и повесил его на крючок.

Проверил замок.

Потом проверил ещё раз.

На столе лежал утренний выпуск городской хроники. Элиас развернул его, машинально пробежал глазами первые страницы.

Среди новостей находилась небольшая заметка о работе

Палаты Последнего Свидетеля.

«Сегодня утром в присутствии представителей Церкви проведено очередное подтверждение сохранности городских архивов. Нарушений не выявлено».

Элиас перечитал строку.

Никаких процедур.

Никаких осуждённых.

Никаких происшествий.

Он положил газету на стол.

Из сумки достал чашку.

Поставил её рядом с блокнотом.

Затем сел.

Долго смотрел на белую керамику.

Ему казалось, что он должен что-то вспомнить.

Не имя.

Не лицо.

Что-то другое.

Он осторожно коснулся трещины у основания чашки.

В голове возникло короткое воспоминание.

Мужская рука.

Шершавая кожа.

Запах дыма.

Чашка, стоящая на подоконнике.

И чей-то голос:

«Когда он вырастет, не позволяй ему забыть».

Элиас резко убрал руку.

Сердце билось быстрее обычного.

Он встал, подошёл к окну и распахнул его.

Холодный воздух ворвался в комнату.

Внизу проходили люди. Кто-то нёс корзину, двое торговцев спорили возле телеги, мальчик пытался поймать собаку за поводок.

Мир продолжал жить.

Ничего не изменилось.

Только Элиас больше не был уверен, что всё это действительно происходит.

Он закрыл окно.

Вернулся к столу.

И впервые за пятнадцать лет достал из ящика старый семейный портрет.

На фотографии он стоял рядом с женщиной.

Лицо матери было размытым.

Элиас помнил, что раньше оно было чётким.

Он перевернул фотографию.

На обороте стояла короткая надпись:

Для Элиаса. От отца.

Почерк был незнакомым.

Но под надписью находилась ещё одна строка.

Совсем маленькая.

Словно её добавили позже.

Ты уже делал это раньше.

Элиас долго смотрел на фотографию.

Затем медленно закрыл глаза.

За окном ударил колокол.

Один раз.

Второй.

Третий.

Он вспомнил слова, услышанные утром.

Не открывай дверь после третьего удара.

И в этот момент кто-то постучал.

Глава 3. Обычная жизнь

За дверью никого не было.

Элиас проверил лестничную площадку, заглянул на пролёт ниже и поднялся на этаж выше. Пусто. Только у стены стояло ведро с золой, оставленное кем-то из соседей, а на подоконнике лежала засохшая ветка.

Он вернулся в квартиру и запер дверь на оба замка.

Три удара.

Он точно слышал три удара.

Элиас посмотрел на часы. Без четверти девять. В это время обычно возвращались служащие из нижних канцелярий, торговцы закрывали лавки, а городские фонари зажигались один за другим. Ничего необычного.

Он снял пальто, повесил его на крючок и аккуратно расправил складки. Затем проверил замки ещё раз.

Только после этого достал блокнот.

Запись, появившаяся на последней странице, никуда не исчезла.

Не позволяй им провести вторую процедуру.

Элиас провёл пальцем по чернилам. Они высохли. Нажим пера был сильным: бумага продавилась, оставив след на следующем листе.

Он не помнил, чтобы писал это.

Возможно, писал. В последние дни он спал меньше обычного. Возможно, усталость объясняла и чашку, и отсутствие записи, и странное поведение регистратора.

Он закрыл блокнот.

На кухне остывал чайник. Элиас налил воду в чашку, поставил её на стол и сел. В комнате было тихо. За окном шумели колёса экипажей, кто-то ругался на улице, в соседнем доме хлопнула ставня.

Обычный вечер.

Он выпил чай и впервые за много лет не почувствовал вкуса.

Квартира Элиаса находилась на четвёртом этаже старого дома в северной части Вальдрена. Дом был построен ещё до Великого Забывания, хотя никто не мог сказать, сколько именно лет назад. На фасаде сохранились каменные лица, но у большинства были сбиты носы и стёрты черты.

В квартире имелись две комнаты, кухня и узкий коридор. Мебель была добротной, но старой. Элиас не любил менять вещи без необходимости. Если предмет выполнял свою функцию, у него не было причин искать другой.

На стене висели часы с тяжёлым маятником. В гостиной стоял письменный стол. На нём лежали бумаги, два ножа для вскрытия писем, чернильница и несколько книг по истории Связи. Книги были расставлены по высоте корешков.

В спальне не было ничего лишнего.

Элиас не принимал гостей. Не держал домашних животных. Не покупал картин. На подоконнике стоял единственный горшок с сухим растением, которое он собирался выбросить уже несколько месяцев.

Он не помнил, кто его подарил.

Впрочем, это не имело значения.

Утром Элиас проснулся за минуту до звонка часов. Полежал, глядя в потолок, затем встал и заправил постель. Умылся холодной водой, побрился, застегнул рубашку и надел тёмный жилет.

Левую перчатку он надевал последней.

Перед тем как выйти, проверил замок.

На улице моросил дождь. Вальдрен просыпался медленно: сначала открывались булочные, потом лавки, затем начинали движение грузовые повозки. У перекрёстков стояли городские служители в серых плащах. Они сверяли таблички на зданиях и снимали с дверей старые объявления.

На площади у Западных ворот торговец продавал горячие пироги. Элиас купил один, хотя не был голоден. Продавец назвал его по имени.

— Доброе утро, господин Вейн.

— Доброе.

— Как обычно?

Элиас посмотрел на прилавок.

— Что именно?

Торговец замялся.

— Пирог с луком. Вы берёте его каждое утро.

Элиас положил монету на доску.

— Сегодня возьму с мясом.

Торговец улыбнулся, словно услышал шутку.

— Как скажете.

Элиас отошёл, не попробовав пирога.

Он не помнил, чтобы покупал здесь завтрак раньше. Но торговец мог ошибиться. Люди часто принимали знакомые лица за знакомые привычки.

У здания Палаты Последнего Свидетеля он остановился.

Над главным входом висела каменная надпись:

ПОКА ЕСТЬ СВИДЕТЕЛЬ — ЕСТЬ ИМЯ.

Элиас прочитал её, как делал сотни раз, и вошёл внутрь.

Рабочий день начался с трёх обычных дел.

Первое касалось женщины, которая подделала свидетельство о рождении сына. Второе — двух братьев, споривших о праве на семейный архив. Третье — старика, который утверждал, что его жена исчезла из памяти всех родственников, хотя умерла двадцать лет назад.

Последнее дело задержало Элиаса дольше остальных.

Старик сидел напротив него, положив руки на колени. Его пальцы дрожали. На рукавах пальто виднелись пятна от дождя.

— Вы понимаете, что я говорю? — спросил он.

— Понимаю.

— Тогда почему никто не хочет искать?

— В вашем заявлении указано, что ваша жена умерла два-

дцать лет назад.

— Это неправда.

— Вы сами подписали свидетельство о смерти.

— Я подписал то, что мне дали.

Элиас перевернул страницу.

— Есть документы, подтверждающие её существование?

— Были.

— Что с ними стало?

Старик посмотрел на него.

— Исчезли.

— Все?

— Все, кроме одного.

Он достал из внутреннего кармана сложенный лист. Бумага была мягкой от времени, края потемнели. Элиас раз-

вернул её.

Это оказалась квитанция из городской прачечной. Внизу стояли дата, сумма и подпись женщины.

Имени не было.

— Это всё? — спросил Элиас.

— Нет. Я помню её голос.

— Голос не является достаточным свидетельством.

— А если я помню, как она смеялась?

Элиас поднял глаза.

Старик смотрел на него с такой настойчивостью, будто от ответа зависело не только дело, но и что-то гораздо большее.

— Память может ошибаться, — сказал Элиас.

— Тогда что остаётся человеку?

Он не ответил.

Секретарь позвал следующего посетителя. Старик медленно сложил квитанцию и убрал её обратно в карман.

— Вы тоже когда-нибудь забудете, господин Вейн, — сказал он, поднимаясь. — И тогда поймёте, что я пытался вам объяснить.

Элиас проводил его взглядом.

Когда дверь закрылась, он несколько секунд смотрел на пустой стул.

Потом открыл следующее дело.

В полдень Элиас спустился в архив личных свидетельств.

Здесь хранились документы служащих Палаты: записи о рождении, семейные истории, результаты проверок Связи, сведения о назначениях и служебных взысканиях. Всё, что могло подтвердить личность человека, должно было иметь дубликат.

Он попросил своё дело.

Архивариус, молодой человек с рыжими волосами, быстро нашёл нужную папку.

— Вейн. Элиас Вейн. Год рождения — четыреста восемьдесят второй. Назначение в Палату — пятьсот третий. Всё верно?

— Да.

— Вам нужна полная копия?

— Нет. Только сведения о семье.

Архивариус открыл папку.

— Отец?

— Неизвестен.

— Мать?

— Её имя должно быть указано.

Молодой человек перелистнул несколько страниц.

— Здесь пусто.

— Проверьте приложение.

— Приложения нет.

Элиас взял папку и просмотрел документы сам. Служебная биография, сведения об образовании, медицинские отметки, результаты испытаний. На последней странице стояла печать Палаты.

В графе «Родственные связи» было написано:

Не установлены.

Он перечитал строку.

— Когда это внесено?

Архивариус заглянул в нижний угол страницы.

— Пятьсот третий год. При поступлении на службу.

— А прежняя запись?

— Её нет.

— Кто проводил проверку?

— Указан только номер дела.

Элиас посмотрел на номер.

Он знал его.

Точнее, ему казалось, что знал.

Такой же номер стоял на листе, который он видел вчера в своём блокноте. Но он не мог вспомнить, где именно.

— Господин Вейн?

— Оставьте папку здесь.

— Разумеется.

Элиас вышел из архива.

В коридоре он остановился у окна. Дождь прекратился, на мокрой мостовой отражались башни Палаты. Внизу двое служителей переносили деревянный ящик. Один из них поскользнулся, выругался, и оба засмеялись.

Элиас достал блокнот.

Записал номер дела.

Затем, немного подумав, добавил:

Проверить дату поступления. Найти первоначальную запись.

Он уже собирался убрать блокнот, когда заметил ещё одну строку.

Она стояла под его записями, написанная теми же чернилами, но другим почерком.

Ты не родился в четыреста восемьдесят втором году.

Элиас долго смотрел на слова.

Почерк был похож на его собственный.

Похож — но не его.

Вечером он вернулся домой пешком.

Вместо обычной дороги выбрал улицу, проходившую вдоль старых жилых кварталов. Здесь дома стояли теснее, окна были ниже, а на первых этажах располагались мастер-

ские. Откуда-то пахло горячим хлебом и мокрым деревом.

У одного из домов женщина вытряхивала ковёр.

Элиас остановился.

Дом был ему знаком.

Он не мог объяснить почему, но узнал узкое окно второго этажа, каменную ступень у входа и трещину на стене, похожую на разветвлённую молнию.

Он подошёл ближе.

На двери висела медная табличка:

СЕМЬЯ АРДЕН.

Имя ничего ему не говорило.

Элиас уже собирался идти дальше, когда дверь открылась. Из дома вышла девочка лет десяти с корзиной в руках.

Она посмотрела на него.

— Вы опять пришли?

Элиас остановился.

— Мы знакомы?

Девочка нахмурилась.

— Вы вчера стояли здесь.

— Нет.

— Стояли.

— Ты меня с кем-то путаешь.

Она пожала плечами.

— Мама сказала, что вы больше не придёте.

Элиас почувствовал, как пальцы левой руки сами собой сжались.

— Как зовут твою мать?

— Лина.

— Передай ей, что я хотел бы поговорить.

Девочка посмотрела на него с недоверием.

— Она не любит разговаривать о вас.

— Почему?

— Не знаю.

Она обошла его и побежала вниз по улице.

Элиас остался у двери.

Он не знал эту семью. Никогда здесь не бывал. Не мог даже вспомнить, когда в последний раз проходил по этой улице.

И всё же ему было знакомо окно второго этажа.

Он поднял голову.

За стеклом стояла женщина.

На мгновение их взгляды встретились.

Женщина отшатнулась и исчезла из поля зрения.

Элиас сделал шаг к двери, но остановился. Он не имел права входить в чужой дом без основания.

Вместо этого достал блокнот и записал адрес.

Затем посмотрел на медную табличку.

СЕМЬЯ АРДЕН.

Под ней, почти незаметно, была выцарапана ещё одна строка.

Элиас наклонился.

На металле виднелись неглубокие буквы:

НЕ ОТКРЫВАЙ ЕМУ ДВЕРЬ.

Он провёл пальцем по царапинам.

Металл был старым. Буквы потемнели, а края успели покрыться налётом.

Надпись сделали давно.

Возможно, много лет назад.

Дома Элиас достал чашку с трещиной.

Поставил её на стол, налил воды и долго смотрел на белую поверхность.

Он хотел понять, почему забрал её из Палаты. Не из-за стоимости — чашка была дешёвой. Не из-за красоты — она выглядела так, словно пережила несколько падений.

Оставалось только одно объяснение: он почувствовал, что она имеет значение.

Но значение не было доказательством.

Он перевернул чашку.

На дне, под слоем старой грязи, обнаружилась надпись. Элиас принёс чистую ткань и осторожно протёр керамику.

Буквы проявились не сразу.

Элиасу. От отца.

Он поставил чашку обратно.

В комнате стало холоднее.

Элиас открыл ящик стола, достал семейную фотографию и положил рядом. На снимке он был ребёнком. Рядом стоял мужчина, чьё лицо по-прежнему оставалось нечётким.

Элиас приблизил фотографию к лампе.

Мужчина держал руку на его плече.

На обороте была та же надпись.

Для Элиаса. От отца.

Он попытался представить лицо человека, который мог бы произнести эти слова.

Ничего.

Тогда он закрыл глаза и попробовал вспомнить мать.

Не имя. Не голос. Не события.

Только лицо.

Он знал, что у него была мать. В его памяти существовали отдельные ощущения: запах влажной ткани, тёплая ладонь на лбу, свет в комнате по утрам. Он помнил, как кто-то поправлял одеяло и говорил, что всё будет хорошо.

Но лица не было.

Элиас открыл глаза.

На фотографии мужчина по-прежнему стоял рядом с мальчиком.

Он перевернул снимок ещё раз и заметил то, чего раньше не видел.

Под старой надписью проступали следы другого текста. Кто-то пытался стереть его, но не до конца.

Элиас поднёс фотографию ближе к свету.

Разобрать удалось только несколько слов:

…когда он вспомнит, не позволяйте ему…

Остальное было уничтожено.

Он положил снимок на стол.

В ту ночь Элиас не стал проверять замки.

Он просто сел напротив двери и ждал.

Три удара прозвучали ровно в полночь.

На этот раз он не подошёл сразу.

Сначала посмотрел на чашку.

Вода внутри неё дрожала, хотя в комнате не было ни сквозняка, ни движения.

Потом Элиас встал и открыл дверь.

На пороге лежала красная нить.

Тонкая, почти невидимая в полумраке.

Она тянулась от лестничной площадки к его квартире и обрывалась у самого порога.

Элиас наклонился, но не коснулся её.

На другом конце коридора стоял человек.

Он был слишком далеко, чтобы разглядеть лицо.

— Кто вы? — спросил Элиас.

Человек не ответил.

— Вы стучали?

Тот медленно поднял руку и указал на чашку, которую Элиас держал за спиной.

Затем произнёс:

— Ты наконец забрал её домой.

Элиас сделал шаг вперёд.

Человек отступил в темноту.

— Стойте.

Но коридор уже был пуст.

На полу осталась красная нить.

Элиас закрыл дверь.

Впервые за много лет он не стал проверять замки.

Он понял, что тот, кто приходил к нему, не нуждался в ключе.

Глава 4. Ошибка в реестре

Утром красной нити на пороге не оказалось.

Элиас проверил коридор, лестничную площадку и пространство под дверью. Ничего. Даже пыли, которую можно было бы потревожить, не было.

Он вернулся в квартиру и посмотрел на чашку.

Она стояла на столе. Вода внутри оставалась неподвижной.

Элиас не спал почти всю ночь. Человек в коридоре, надпись на табличке, девочка, которая утверждала, что видела его накануне, — всё это складывалось в последовательность событий, которую он пока не мог объяснить.

Он не любил необъяснимые вещи.

Но ещё меньше он любил игнорировать факты.

В семь часов он оделся, убрал чашку в ящик стола и вышел из квартиры.

В Палату он пришёл раньше обычного.

Архив городского населения находился в восточном крыле, на два этажа ниже канцелярии. В отличие от служебного архива, здесь хранились сведения обо всех зарегистрированных жителях Вальдрена: рождении, браке, смерти, смене места жительства, родственных связях.

Каждый человек имел номер.

Каждый номер имел историю.

Если человек умирал, его запись закрывали. Если его имя уничтожали, запись изымали из действующего реестра. Если человек никогда не существовал, его номера не было вовсе.

По крайней мере, так полагалось.

Элиас предъявил служебное удостоверение.

— Мне нужна информация о семье Арден, — сказал он архивариусу.

— Имя главы семьи?

— Лина Арден. Проживает в северном квартале, дом со-

рок семь, улица Мельничная.

Архивариус набрал запрос на механической клавиатуре. За его спиной щёлкали счётные механизмы, а из вентиляционной решётки доносился глухой гул.

— Подождите.

На экране появились строки.

Архивариус нахмурился.

— Такой записи нет.

— Проверьте по адресу.

— Проверяю.

Он изменил параметры поиска.

Результат появился почти сразу.

Мельничная улица, дом 47.

Здание признано нежилым.

Дата закрытия: 14 октября 496 года.

Элиас посмотрел на экран.

— Это невозможно.

— Почему?

— Вчера я разговаривал с ребёнком, который вышел из этого дома.

Архивариус пожал плечами.

— Возможно, вы ошиблись адресом.

— Нет.

— Тогда, вероятно, здание используется незаконно.

— Вчера в окне стояла женщина.

Архивариус повернулся к нему.

— Господин Вейн, я могу выдать вам сведения о владельце здания. Но если вам нужны данные о проживающих, их здесь нет.

— Кто владелец?

— Муниципальный фонд.

— Когда здание перешло в фонд?

Архивариус посмотрел на экран.

— Пятьсот третий год.

Элиас замолчал.

Пятьсот третий.

Год его поступления в Палату.

— Покажите первоначальную запись.

— Её нет.

— Почему?

— Потому что здание было закрыто.

— Кто подписал решение?

Архивариус открыл дополнительную строку.

На экране появилась фамилия.

Э. Вейн.

Несколько секунд Элиас не двигался.

— Это ошибка, — сказал он.

— Возможно.

— Я никогда не подписывал документов о закрытии жилых зданий.

— Тогда запросите копию приказа.

— Где она?

Архивариус нажал несколько клавиш.

Экран мигнул.

Появилось сообщение:

Документ отсутствует.

Элиас достал блокнот и записал номер здания.

— Вы можете проверить историю изменений?

— Только с разрешения старшего регистратора.

— Вызовите его.

Старший регистратор пришёл через десять минут.

Это был сухой мужчина с длинным лицом и редкими волосами. Его звали Корвен. Элиас видел его несколько раз на служебных совещаниях, но никогда не разговаривал дольше необходимого.

Корвен изучил запрос, затем посмотрел на Элиаса.

— Вы понимаете, что занимаетесь не своим делом?

— Я проверяю документ, в котором указана моя подпись.

— Документ не существует.

— Подпись существует.

— В реестре есть фамилия. Это не означает, что вы подписывали приказ.

— Тогда чья это подпись?

Корвен снял очки.

— Иногда при переносе старых записей система автоматически присваивает ответственному лицу имя служащего, который проводил регистрацию.

— Я не проводил регистрацию.

— Значит, произошла техническая ошибка.

— В одном и том же году, когда я поступил на службу?

Корвен вернул очки на место.

— Господин Вейн, вы давно работаете в Палате. Вам должно быть известно, что городские реестры не идеальны.

— В них не бывает случайных подписей.

— Бывают.

— И закрытые дома, в которых живут люди?

Корвен поднял голову.

— Что вы сказали?

Элиас повторил.

Старший регистратор некоторое время молчал.

Затем закрыл папку.

— Я рекомендую вам прекратить проверку.

— На каком основании?

— На основании того, что вы не уполномочены расследовать муниципальные нарушения.

— Тогда оформите письменный отказ.

Корвен посмотрел на него с неожиданным раздражением.

— Вы всегда были человеком, который предпочитает бумагу разговору.

— Бумага хотя бы оставляет след.

Старший регистратор задержал на нём взгляд.

— Не всегда, Элиас.

Он произнёс имя без обращения по должности.

Это было странно.

В Палате старшие служащие редко позволяли себе такую фамильярность.

— Вы знаете меня? — спросил Элиас.

— Разумеется.

— Откуда?

Корвен нахмурился.

— Мы работаем в одном учреждении.

— Как давно?

— Достаточно давно.

— С какого года?

Старший регистратор открыл рот, но не ответил сразу.

Его взгляд скользнул по лицу Элиаса, затем остановился на левой руке.

— Вам следует отдохнуть, — наконец сказал он.

— Я задал вопрос.

— А я дал вам совет.

Корвен поднялся и вышел.

Элиас остался у стола.

На экране всё ещё светилась строка с его фамилией.

К полудню он получил разрешение на посещение Мельничной улицы.

Формально это была служебная проверка состояния муниципального здания. Элиас не стал указывать, что собира-

ется искать женщину, которую видел в окне.

Дорога заняла двадцать минут.

Улица была пустой. Дождь закончился, но вода ещё стекала с крыш. У дома сорок семь стоял деревянный забор, за которым виднелся небольшой двор.

Элиас остановился у ворот.

Забор выглядел старым. На досках остались следы краски, а возле калитки лежали две детские игрушки: деревянная лошадь и тряпичный мяч.

Он толкнул калитку.

Она открылась без скрипа.

Во дворе никого не было.

Дом выглядел жилым. На окнах висели занавески, возле стены стояли дрова, под навесом сушилась одежда. Из трубы шёл тонкий дым.

Элиас подошёл к двери.

Постучал.

Тишина.

Постучал ещё раз.

За дверью послышались шаги.

— Кто?

Женский голос.

Элиас узнал его.

— Госпожа Арден? Мне нужно поговорить с вами.

Шаги остановились.

— Вы ошиблись домом.

— Вчера я разговаривал с вашей дочерью.

— У меня нет дочери.

Элиас посмотрел на окно второго этажа.

За занавеской мелькнула тень.

— Я видел ребёнка. Девочку лет десяти. Она вышла из этой двери.

— Здесь никто не живёт.

— Тогда кто открыл мне дверь?

За ней стало тихо.

Элиас приложил ладонь к деревянной поверхности.

— Я не собираюсь причинять вам вред.

— Вы уже причинили.

Женщина говорила почти шёпотом.

— Когда?

— Вы не помните?

Элиас не ответил.

— Конечно, не помните, — продолжила она. — Вы всегда

забываете самое важное.

— Назовите своё имя.

— Нет.

— Почему?

— Потому что вы можете его забрать.

За дверью что-то упало.

Женщина вскрикнула.

Элиас дёрнул ручку. Дверь оказалась заперта.

— Откройте!

Ответа не было.

Он отступил на шаг и осмотрел замок. Обычный механический механизм, никаких следов повреждения.

На уровне глаз была небольшая царапина.

Элиас наклонился.

В древесину были вдавлены три слова:

ТЫ УЖЕ ПРИХОДИЛ.

Он коснулся надписи.

Под пальцами ощущалась свежая стружка.

Кто-то вырезал её совсем недавно.

Элиас обошёл дом.

С задней стороны находилась небольшая пристройка с низкой дверью. Она была приоткрыта.

Внутри пахло сыростью и углём.

На полках стояли банки, инструменты и старые коробки. В углу лежала детская куртка. На ней была вышита маленькая буква «Л».

Элиас взял её.

Куртка была тёплой.

Он оглянулся.

В дальнем конце помещения находилась дверь, ведущая в основную часть дома. Она была закрыта изнутри.

Элиас постучал.

— Госпожа Арден?

Никакого ответа.

Он заметил на полу следы обуви. Маленькие, детские. Они вели к двери и обрывались возле порога.

Рядом стоял металлический таз.

На его дне лежал клочок бумаги.

Элиас поднял его.

На листке был нарисован мужчина в длинном пальто. Рядом с ним стояла девочка, державшая его за руку.

Лица мужчины не было.

Внизу детским почерком было написано:

ПАПА СНОВА ПРИШЁЛ.

Элиас перечитал фразу.

Потом посмотрел на куртку.

На внутренней стороне воротника обнаружилась маленькая тканевая бирка.

Лина.

Он медленно опустил руку.

Это не доказывало, что девочка жила здесь. Но доказывало, что кто-то хотел оставить след.

И этот кто-то знал его.

В Палату он вернулся после обеда.

На столе лежало уведомление о вызове к начальнику отдела.

Элиас прочитал его дважды.

В связи с нарушением порядка доступа к архивным сведениям и проведением несанкционированной проверки муниципального объекта вам предписывается явиться к начальнику отдела в шестнадцать часов.

Ниже стояла подпись.

Севериан Мор.

Элиас посмотрел на часы.

До встречи оставалось двадцать минут.

Он убрал уведомление в папку, снял перчатку с левой руки и внимательно осмотрел ладонь.

На коже проступила тонкая красная линия.

Она начиналась у основания большого пальца и тянулась к запястью.

Элиас не помнил, чтобы порезался.

Он провёл по ней ногтем.

Кожа была целой.

Линия не исчезла.

На мгновение ему показалось, что под кожей движется тонкая нить.

Он снова надел перчатку.

Кабинет Севериана находился на верхнем этаже Палаты.

Там было светлее, чем в остальных помещениях. Большие окна выходили на центральную площадь, а стены были покрыты деревянными панелями. На столе стояли две чашки, графин с водой и небольшая бронзовая статуэтка человека с закрытыми глазами.

Север Мор сидел у окна.

Он не поднялся, когда вошёл Элиас.

— Садитесь.

Элиас остался стоять.

— Я получил ваше уведомление.

— Вижу.

Севериан указал на кресло.

— Вы проверяли дом на Мельничной улице.

— Да.

— Почему?

— В реестре указана моя подпись под приказом о закрытии здания. Я не подписывал этого приказа.

— Возможно, ошибка.

— В реестре нет самого приказа.

— Тем более.

Элиас посмотрел на него.

— Вы знали об этом доме?

Севериан налил воду в одну из чашек.

— В Вальдрене тысячи домов.

— В этом живут люди.

— Согласно реестру — нет.

— Я видел их.

Севериан поставил графин.

— Вы видели женщину и ребёнка?

— Да.

— Они разговаривали с вами?

— Да.

— Назвали свои имена?

— Женщина отказалась.

— А ребёнок?

— Лина.

Севериан на мгновение опустил глаза.

Это движение было почти незаметным.

Но Элиас заметил.

— Вы знаете это имя, — сказал он.

— Я знаю много имён.

— Тогда скажите, кому принадлежит это.

Севериан посмотрел на него.

— Вы хотите услышать правду?

— Да.

— Тогда начните с другого вопроса.

— С какого?

— Почему вы решили, что имеете право искать людей, которых город перестал признавать?

Элиас не ответил.

Севериан сложил руки на столе.

— Вы пятнадцать лет служите Палате. Вы знаете, что уничтожение имени — не наказание в обычном смысле. Это способ защитить остальных от последствий существования человека, который больше не может быть частью общей Связи.

— Вы считаете, что эти люди опасны?

— Иногда.

— А если они невиновны?

Севериан не отвёл взгляда.

— Невиновность не всегда имеет отношение к последствиям.

Элиас вспомнил старика из утреннего приёма. Его слова о жене. О голосе, который никто больше не помнил.

— Кто решает, чьё существование имеет значение?

— Те, кто несёт ответственность за остальных.

— Удобный ответ.

— Нет. Тяжёлый.

Севериан поднялся и подошёл к окну.

— Вы когда-нибудь задумывались, почему в Вальдрене так мало пустых домов?

— Это не имеет отношения к делу.

— Имеет. Город старше многих государств. Здесь жили поколения людей, о которых не осталось ни одного свидетельства. Но дома стоят. Улицы существуют. Рынки работают. Мы сохраняем порядок не потому, что он справедлив. Мы сохраняем его потому, что альтернатива гораздо хуже.

— Что хуже?

Севериан повернулся.

— Мир, в котором никто не знает, кто он такой.

В кабинете стало тихо.

Элиас посмотрел на две чашки.

Одна стояла перед Северианом.

Вторая — напротив, на пустой стороне стола.

— Вы кого-то ждёте? — спросил он.

Севериан посмотрел на чашку.

— Нет.

— Тогда зачем она?

— Иногда полезно помнить, что разговор может продолжиться.

Он подошёл к столу и убрал вторую чашку в шкаф.

— Господин Вейн, я хочу, чтобы вы прекратили проверку Мельничной улицы.

— Почему?

— Потому что это не ваша задача.

— Кто живёт в доме?

Северианд олго смотрел на него.

— Никто, Элиас.

— Я видел ребёнка.

— Вы видели то, что хотели увидеть.

— Я разговаривал с женщиной.

— Вы разговаривали с дверью.

Элиас сжал пальцы.

Северианд заметил движение, но ничего не сказал.

— Отдохните несколько дней, — продолжил он. — Не посещайте архивы. Не проводите самостоятельных проверок. И, самое главное, не пытайтесь восстановить сведения о собственной семье.

Элиас замер.

— Я не говорил, что занимаюсь этим.

Северианд медленно кивнул.

— Разумеется.

— Откуда вы знаете?

— Потому что я знаю вас.

— Вы сказали то же самое Корвену.

— Корвен работает здесь дольше вас.

— Насколько?

Севериан не ответил.

Он открыл ящик стола, достал небольшой конверт и положил перед Элиасом.

— Здесь копия вашего первоначального назначения. Заберите её. Возможно, это избавит вас от лишних поисков.

Элиас не притронулся к конверту.

— Почему вы предлагаете мне документ, который я не просил?

— Потому что иногда проще дать человеку то, что он ищет, чем позволить ему найти то, чего он не должен видеть.

— Что находится в первоначальном назначении?

— Ваша подпись.

— Я знаю, как выглядит моя подпись.

— Тогда вам будет легко её узнать.

Элиас взял конверт.

Бумага была плотной, с печатью Палаты.

— Ещё один вопрос, господин Мор.

— Слушаю.

— Вы помните мою мать?

Севериан не изменился в лице.

Но на этот раз ответил не сразу.

— Нет, — сказал он.

Элиас посмотрел на него.

— Вы даже не спросили, как её звали.

Севериан медленно сел.

— Потому что вы сами не знаете.

Вечером Элиас заперся в кабинете.

Он положил конверт на стол, снял пальто и включил лампу.

Внутри лежал один лист.

На нём стояла печать Палаты, дата и номер назначения.

Кандидат: Элиас Вейн.

Статус: восстановлен.

Элиас перечитал строку.

Ниже находилась подпись.

Она была его собственной.

Подпись, которой он пользовался пятнадцать лет.

Под ней стояла ещё одна запись:

Основание для восстановления: перенос свидетельств.

А в самом низу, мелким почерком, было добавлено:

Первоначальная личность не подлежит возвращению.

Элиас отложил лист.

Он смотрел на документ, не двигаясь.

Теперь у него было подтверждение того, что кто-то изменил его прошлое. Не слух, не чужая фраза, не случайная надпись.

Официальный документ.

Он открыл блокнот и записал:

Восстановлен. Перенос свидетельств. Первоначальная личность не подлежит возвращению.

Затем добавил:

Кто был восстановлен?

Чернила ещё не успели высохнуть, когда на последней странице появилась новая строка.

Элиас не держал перо.

Он видел это собственными глазами.

Буквы проступали медленно, одна за другой.

НЕ ИЩИ СВОЮ МАТЬ. ИЩИ ТОГО, КТО НАЗВАЛ ТЕБЯ СЫНОМ.

Элиас отодвинул блокнот.

В комнате было тихо.

Он посмотрел на чашку, которую спрятал в ящик.

Потом на фотографию.

На снимке мужчина по-прежнему держал руку на плече

мальчика.

Но теперь лицо мужчины было отчётливым.

Элиас узнал его.

Не потому, что помнил.

А потому, что видел его сегодня.

На фотографии рядом с ребёнком стоял Севериан Мор.

Глава 5. Архивариус, которого не было

Элиас не спал до рассвета.

Фотография лежала на столе. Он несколько раз переворачивал её, подносил к лампе, рассматривал края, проверял поверхность на следы исправлений. Никаких следов не было.

На снимке стоял мальчик лет семи. Рядом с ним — мужчина в тёмном пальто. Лицо мужчины теперь было видно отчётливо.

Севериан Мор.

Элиас знал это лицо. Видел его на портретах, в зале Совета, на служебных собраниях. Но на фотографии мужчина выглядел моложе. Значительно моложе. Его волосы были тёмными, на лице не было глубоких морщин, а взгляд казался почти усталым.

Элиас попытался вспомнить, когда был сделан снимок.

Не смог.

Он попытался вспомнить, кто держал фотоаппарат.

Тоже ничего.

Оставался мальчик.

Элиас внимательно изучил его лицо. Тонкие губы, прямой нос, чуть выступающие уши. Он узнал собственные черты, но не почувствовал ничего похожего на узнавание себя.

Словно рассматривал чужого ребёнка.

На обороте фотографии по-прежнему стояла надпись:

Для Элиаса. От отца.

Он положил снимок в конверт и убрал во внутренний карман.

Затем достал документ о восстановлении.

Слова «перенос свидетельств» не давали ему покоя.

В Палате существовали десятки процедур, связанных с Искусством Связи. Большинство из них были известны толь-

ко специалистам. Но перенос свидетельств относился к запрещённым практикам. В официальных учебниках его описывали как теоретическую возможность, не имеющую подтверждённого применения.

Если документ был подлинным, кто-то не просто изменил его биографию.

Кто-то собрал её из чужих жизней.

Элиас надел перчатку, сложил бумаги и вышел.

В архиве личных свидетельств его уже ждали.

Корвен стоял возле входа в служебное помещение и разговаривал с двумя регистраторами. Увидев Элиаса, он оборвал фразу.

— Господин Вейн.

— Доброе утро.

— Я полагал, вы воспользуетесь предложенным отдыхом.

— Я передумал.

— Начальник отдела ясно выразил свою позицию.

— Я не собираюсь заниматься Мельничной улицей.

Корвен посмотрел на него с недоверием.

— Тогда зачем вы здесь?

Элиас достал документ о восстановлении.

— Мне нужно установить, кто оформлял эту процедуру.

Старший регистратор даже не взглянул на лист.

— Вам уже дали копию.

— В ней отсутствует имя исполнителя.

— Так предусмотрено формой.

— В какой форме?

— В служебной.

— Покажите её.

Корвен тяжело вздохнул.

— Вы не понимаете, что делаете.

— Тогда объясните.

Старший регистратор подошёл ближе.

— Некоторые документы не хранятся в действующем архиве. Они относятся к периоду до вашего назначения. Вы не получите к ним доступ.

— Где они находятся?

— В закрытом отделении.

— Название?

— Низинные архивы.

Элиас посмотрел на него.

— Я думал, это легенда.

— Легенды обычно возникают вокруг вещей, о которых людям запрещено говорить.

— Как туда попасть?

— Никак.

Корвен развернулся и направился к лестнице.

Элиас окликнул его:

— Вы сказали, что работаете со мной достаточно давно. Вы помните, как я поступил в Палату?

Старший регистратор остановился.

— Конечно.

— Кто привёл меня сюда?

Корвен медленно повернулся.

— Никто.

— Тогда откуда у меня назначение?

— Вы пришли сами.

— В каком возрасте?

— В двадцать три года.

Элиас кивнул.

— Это совпадает с документами.

— Рад, что мы наконец пришли к согласию.

— Только есть одна проблема.

— Какая?

— Я не помню ни одного дня до своего назначения.

Корвен ничего не сказал.

— Ни дома, ни учёбы, ни людей, с которыми жил. У меня есть отдельные воспоминания, но нет последовательности. Вы хотите сказать, что это нормально?

— Я хочу сказать, что вам следует обратиться к лекарю.

— Я уже обращался.

— Тогда обратитесь снова.

Корвен ушёл.

Элиас проводил его взглядом, затем убрал документ.

Он получил то, за чем пришёл.

Низинные архивы существовали.

В городском справочнике не было адреса Низинных архивов.

В старых планах Вальдрена обозначалось несколько подземных уровней, но большинство ходов были замурованы после Великого Забывания. Официально под ними располагались технические помещения и хранилища муниципального фонда.

Элиас изучал планы до полудня.

Затем обнаружил упоминание о старом архивном комплексе в отчёте о ремонте канализационной системы. Документ был составлен почти семьдесят лет назад. В приложении находилась схема лестницы, ведущей к нижнему уровню под зданием бывшего суда.

Адрес находился в западной части города.

Элиас переписал координаты.

Перед выходом он заглянул в служебный реестр и запросил сведения о женщинах, работавших в архивной системе за последние двадцать лет.

Имя Мираэль появилось в результатах почти сразу.

Мираэль.

Должность: архивариус нижнего уровня.

Дата назначения: 487 год.

Статус: умерла.

Дата смерти: 491 год.

Элиас перечитал запись.

Четыре года работы.

Смерть двенадцать лет назад.

Никакой фотографии, никаких сведений о семье, никаких служебных взысканий. Только номер дела и отметка о закрытии.

Он запросил копию свидетельства о смерти.

Система ответила:

Документ отсутствует.

Элиас закрыл окно.

Он ещё не знал, зачем ему понадобилась эта женщина. Но в документе о восстановлении имелась ссылка на архивный номер, а тот, в свою очередь, относился к периоду её службы.

Это было достаточно.

Здание бывшего суда стояло в конце узкой улицы, за старой площадью казней.

В отличие от Палаты Последнего Свидетеля, оно не ремонтировалось десятилетиями. Каменная кладка потемнела, часть окон была заколочена, а над входом сохранился герб города с выбитым центральным символом.

Элиас обошёл здание.

С восточной стороны обнаружилась узкая дверь, почти скрытая между двумя колоннами. На ней не было таблички или замка. Только круглая металлическая пластина на уровне глаз.

Элиас приложил служебный жетон.

Ничего не произошло.

Он постучал.

За дверью раздался короткий щелчок.

Дверь приоткрылась.

На пороге стояла женщина.

На вид ей было около тридцати. Тёмные волосы были собраны на затылке, несколько прядей выбились и падали на лицо. Она носила простое серое платье и длинный жилет с множеством карманов. На пальцах виднелись следы чернил.

— Вы опоздали, — сказала она.

Элиас посмотрел на часы.

— Мы не договаривались о встрече.

— Поэтому и опоздали.

Женщина отступила, пропуская его внутрь.

Элиас не двинулся.

— Вы Мираэль?

Она улыбнулась.

— Иногда.

— В реестре указано, что вы умерли.

— Значит, реестр наконец заметил.

— Двенадцать лет назад.

— У него хорошая память. Жаль, что избирательная.

Элиас внимательно изучил её лицо.

Он ожидал увидеть старуху, больную женщину или хотя бы кого-то, чьё существование выглядело бы невозможным. Но Мираэль ничем не отличалась от обычного человека.

Это настораживало сильнее.

— Вы работали в Низинных архивах?

— Работала.

— Мне нужно найти документ.

— Все приходят сюда за документами. Некоторые уходят с ними. Другие — с вопросами. Третьи не уходят вовсе.

— Что происходит с третьими?

— Их перестают искать.

Она посмотрела на его левую руку.

— Входите, господин Вейн.

Элиас не спрашивал, откуда она знает его имя.

Он вошёл.

Лестница уходила вниз под небольшим углом. Стены были выложены тёмным кирпичом, между швами выступала белёсая соль. На каждом десятке ступеней висела лампа с мутным стеклом.

Мираэль шла впереди.

— Вы давно здесь работаете? — спросил Элиас.

— Дольше, чем следовало.

— Кто вас нанял?

— Люди, которых больше нет.

— Почему вы скрываетесь?

— А вы всегда задаёте вопросы, ответы на которые уже решили не принимать?

Элиас промолчал.

Они спустились ещё на один пролёт.

За дверью находился длинный коридор. По обеим сторонам стояли шкафы с папками и деревянные стеллажи. На некоторых полках лежали книги, на других — отдельные предметы: часы, детские ботинки, пустые рамки, письма, перевязанные бечёвкой.

Элиас остановился возле одного из стеллажей.

— Что это?

— То, что осталось.

— От кого?

— От людей.

— Имена?

— Их больше нет.

— Тогда зачем хранить вещи?

Мираэль обернулась.

— Вы действительно хотите, чтобы я объяснила вам, зачем хранят свидетельства?

Элиас посмотрел на полки.

На одной из них стоял деревянный солдатик с отломанной ногой. Рядом лежал детский рисунок. На нём были изображены дом, солнце и три фигуры, взявшиеся за руки.

Над рисунком стояло имя.

Лина.

Элиас достал блокнот.

— Вы знаете эту девочку?

Мираэль посмотрела на рисунок.

Её лицо изменилось.

Не сильно. Только уголки губ перестали улыбаться.

— Где вы это нашли?

— На Мельничной улице.

— Вы были там?

— Да.

— Тогда вы уже совершили ошибку.

— Какую?

— Позволили ей вас узнать.

Элиас убрал блокнот.

— Кто она?

— Ребёнок.

— Я это понял.

— Нет, не поняли.

Мираэль подошла к стеллажу, сняла рисунок и положила его в папку.

— Некоторые дети рождаются в семьях. Некоторые появляются после того, как семьи перестают существовать. А некоторые остаются, когда от них отказываются все остальные.

— Вы говорите загадками.

— Потому что прямые ответы вам пока не помогут.

— Я сам решу, что мне поможет.

— Вы уже решили. Пятнадцать лет назад.

Элиас посмотрел на неё.

— Что вы знаете обо мне?

Мираэль не ответила.

Она прошла дальше по коридору и остановилась перед железной дверью. На ней не было ручки. Только узкая прорезь и небольшая латунная пластина.

— Дайте левую руку, — сказала она.

— Зачем?

— Хочу проверить одну вещь.

— Нет.

Мираэль пожала плечами.

— Тогда придётся искать другой способ.

Она достала из кармана маленький металлический предмет, похожий на тонкую иглу, и вставила его в прорезь.

Внутри двери что-то щёлкнуло.

— Вы знаете, что происходит с человеком, когда его имя уничтожают? — спросила она.

— Внешние свидетельства разрушаются. Связь с общей реальностью прекращается.

— Правильно. А что происходит с тем, что он помнит сам?

— Память сохраняется.

— Как долго?

— Зависит от состояния Связи.

— Нет, Элиас. Зависит от того, сколько людей продолжает

помнить его.

Дверь открылась.

За ней находилась небольшая комната.

В центре стоял стол, на котором лежала раскрытая книга. Страницы были исписаны мелким почерком. На стене висели часы без стрелок.

Мираэль подошла к столу.

— Вы пришли за документом о восстановлении?

— Да.

— Тогда смотрите.

Она перевернула несколько страниц и остановилась на одной.

В верхней части было указано имя Элиаса.

Ниже — дата.

Пятнадцать лет назад.

Элиас наклонился.

Объект: Элиас Вейн.

Первоначальный статус: уничтожен.

Результат процедуры: подтверждён.

Восстановление: выполнено.

Он медленно прочитал строки ещё раз.

— Что это?

— Ваше дело.

— Я не мог быть уничтожен пятнадцать лет назад.

— Почему?

— Мне было двадцать три. Я работал в Палате.

— Это было после.

— Я помню.

— Именно.

Мираэль коснулась страницы.

— Вы помните работу. Помните город. Помните людей, которых лишали имён. Помните, как получали приказы, как подписывали документы, как возвращались домой. Но вы не помните, кто привёл вас в Палату. Не помните своего детства. Не помните ни одного человека, который знал вас до двадцати трёх лет.

Элиас смотрел на документ.

— Что значит «первоначальный статус: уничтожен»?

— Это значит, что Элиаса Вейна больше не было.

— А кто тогда стоит перед вами?

Мираэль подняла глаза.

— Тот, кого мы смогли собрать.

Элиас почувствовал, как под перчаткой напряглась левая рука.

— Кто вы?

— Я уже отвечала.

— Нет. Кто вы для меня?

Мираэль долго молчала.

Затем закрыла книгу.

— Человек, который помог сделать вас таким.

Элиас не двигался.

— Вы участвовали в моём восстановлении?

— Да.

— Кто ещё?

— Севериан Мор. Орен Таль. Ещё несколько человек, чьи имена вы не найдёте.

— Зачем?

— Чтобы вернуть то, что было потеряно.

— Что именно?

— Вас.

Элиас посмотрел на страницу.

— Это не ответ.

— Другого у меня пока нет.

— Вы говорите, что я был уничтожен. Но я помню свою жизнь.

— Вы помните чужие жизни.

Он резко поднял голову.

Мираэль не отвела взгляда.

— Сколько? — спросила она.

— Что?

— Сколько чужих воспоминаний вы считаете своими?

Элиас вспомнил запах влажной ткани, тёплую ладонь на лбу, окно, которого не мог представить. Вспомнил лицо мужчины на фотографии. Голос старика, который говорил о жене. Женщину за дверью на Мельничной улице.

— Я не знаю.

— Двести семнадцать.

В комнате стало тихо.

— Откуда вы знаете это число?

— Потому что я помогала переносить их.

Элиас медленно опустил взгляд на книгу.

— Все эти люди были уничтожены?

— Да.

— Мной?

Мираэль не ответила сразу.

И этого оказалось достаточно.

— Вы знали, — произнёс Элиас.

— Да.

— Вы знали, что я не помню их?

— Да.

— И всё это время молчали?

— Вы не спрашивали.

Он посмотрел на неё с такой холодностью, что Мираэль впервые отвела глаза.

— Вы считаете это оправданием?

— Нет.

Она закрыла книгу и убрала руки со стола.

— Я не прошу вас меня оправдывать.

Элиас сделал шаг к ней.

— Тогда скажите, зачем вы это сделали.

Мираэль посмотрела на него.

— Потому что без вас всё было бы напрасно.

— Что именно?

Она не успела ответить.

Из коридора донёсся металлический удар.

Затем ещё один.

Мираэль мгновенно повернулась к двери.

— Нам нужно уходить.

— Кто там?

— Служители.

— Откуда они знают, что я здесь?

— Потому что вы привели их.

— Я никого не приводил.

Мираэль схватила со стола тонкую книгу и сунула её под жилет.

— Вы носите на себе слишком много следов.

Она подошла к стене и потянула за металлический рычаг. В дальнем углу комнаты открылся узкий проход.

— Идите.

Элиас остался на месте.

— Вы пойдёте со мной.

— Нет.

— Тогда я не уйду.

Мираэль посмотрела на него с раздражением.

— Вы всегда были упрямым. Даже когда не имели права быть собой.

В коридоре послышались шаги.

Мираэль подошла к Элиасу и впервые коснулась его левой руки.

Он резко отдёрнулся.

Но было поздно.

Под кожей вспыхнула тонкая красная линия — та самая, которую он заметил утром. Она потянулась от запястья к ладони, словно кто-то натянул под кожей нить.

Мираэль побледнела.

— Значит, она всё ещё там.

— Что?

— Связь.

— С кем?

Она посмотрела ему прямо в глаза.

— С тем, кто был вашим отцом.

Элиас вспомнил фотографию.

Севериан Мор.

— Это он?

Мираэль не ответила.

Дверь в коридор содрогнулась от удара.

— Элиас, — сказала она тихо. — Если вы хотите узнать, кем были, найдите Орена Таля. Он хранит то, что я не смогла сохранить.

— Где его найти?

— В мастерской печатей, у старого водного рынка.

— А вы?

Мираэль отступила к проходу.

— Меня здесь нет.

— Вы только что стояли передо мной.

— Для вас — да.

Она коснулась стены.

Скрытая дверь начала закрываться.

— Мираэль!

— Не возвращайтесь в Палату сегодня. И не показывайте никому левую руку.

— Почему?

Она посмотрела на него в последний раз.

— Потому что в следующий раз они будут уничтожать не ваше имя.

Дверь закрылась.

Элиас остался один.

Проход вывел его в старый технический коридор, который заканчивался лестницей к улице.

Он вышел наружу через подвал соседнего здания.

На улице было уже темно.

Элиас остановился под навесом и достал блокнот. Записал имя:

Мираэль.

Ниже:

Участвовала в восстановлении. Двести семнадцать воспоминаний. Орен Таль.

Он посмотрел на левую руку.

Красная линия исчезла.

Но кожа под перчаткой оставалась холодной.

Элиас направился к старому водному рынку.

Он не знал, можно ли доверять Мираэль. Не знал, почему она помогла создать его и почему теперь решила заговорить. Не знал даже, кем был человек, которого она называла его отцом.

Но теперь у него было число.

Двести семнадцать.

Он уничтожил двести семнадцать имён.

И кто-то использовал их, чтобы создать человека, который называл себя Элиасом Вейном.

В глубине Низинных архивов Мираэль вернулась к столу.

Дверь была закрыта. Служители ушли, не обнаружив входа в комнату.

Она открыла нижний ящик и достала тонкую папку.

На обложке стояло имя:

ЭЛИАС ВЕЙН.

Внутри лежала старая фотография.

На ней были изображены трое: молодая женщина, мужчина с закрытыми глазами и ребёнок.

Мираэль провела пальцем по лицу ребёнка.

— Прости, — прошептала она.

Затем перевернула фотографию.

На обороте была надпись:

Если он когда-нибудь вспомнит меня, скажите ему, что я не хотел этого.

Подпись отсутствовала.

Мираэль убрала фотографию обратно.

Она не сказала Элиасу главного.

Двести семнадцать воспоминаний не просто перенесли в него.

Они были последним, что осталось от человека, которого он должен был заменить.

Глава 6. Мастер печатей

Старый водный рынок закрыли почти сорок лет назад.

Когда-то здесь торговали рыбой, солью, тканями и привозными травами. По центральному каналу проходили плоскодонные баржи, а вдоль каменных причалов стояли лавки с навесами. Теперь канал был перекрыт, вода ушла в подземные стоки, а торговые ряды превратились в склады и мастерские.

Элиас нашёл нужный переулок после нескольких попыток.

На стене висела вывеска с выцветшей надписью:

ОРЕН ТАЛЬ. ПЕЧАТИ, ЗАМКИ, АРХИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ.

Ниже кто-то выцарапал:

Не приносить сюда мёртвые имена.

Элиас постучал.

Изнутри донёсся грохот, затем раздражённый голос:

— Закрыто!

— Мне нужен Орен Таль.

— Значит, вам не сюда.

— Меня прислала Мираэль.

За дверью наступила тишина.

Потом щёлкнул замок.

Дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы в щели показался один глаз.

— Кто ты?

— Элиас Вейн.

— Не знаю такого.

— Мираэль сказала, что вы меня знаете.

Глаз исчез.

Дверь распахнулась.

На пороге стоял широкоплечий мужчина с седыми волосами, густой бородой и тяжёлыми руками. На нём был кожаный фартук, испачканный машинным маслом. Левый рукав рубахи закатан до локтя, на предплечье виднелся старый ожог.

Он посмотрел на Элиаса.

Сначала на лицо.

Потом на руки.

Потом снова на лицо.

— Заходи.

Мастерская оказалась значительно больше, чем предполагал Элиас.

За входной комнатой располагался длинный зал с высокими потолками. Вдоль стен стояли верстаки, шкафы с инструментами и стеллажи с металлическими пластинами. На потолке висели лампы, соединённые проводами с большим

аккумуляторным блоком.

В дальнем конце находилась массивная печь.

Орен закрыл дверь и задвинул засов.

— Снимай пальто.

— Я ненадолго.

— Все так говорят.

Элиас остался в пальто.

Орен хмыкнул и вернулся к верстаку. На столе лежала металлическая пластина с вырезанным символом. Мастер закрепил её в тисках и продолжил работу.

— Что тебе нужно?

— Вы знаете Мираэль?

— К сожалению.

— Она сказала, что вы храните вещи людей, которых лишили имён.

Орен перестал работать.

— Она сказала именно так?

— Да.

— Тогда она снова решила говорить за меня.

Он положил инструмент.

— И что ты хочешь увидеть?

— Доказательства.

Орен медленно вытер руки ветошью.

— Доказательства чего?

— Что двести семнадцать человек действительно существовали.

Старик посмотрел на него.

Несколько секунд в мастерской было слышно только потрескивание печи.

— Сколько ты помнишь?

— Нисколько.

— Ни одного лица?

— Нет.

— Ни одного имени?

— Нет.

Орен усмехнулся без веселья.

— Зато помнишь, как ставить печать уничтожения.

— Да.

— Удобно.

Элиас не ответил.

Орен подошёл к дальней стене и отодвинул тяжёлую занавеску.

За ней обнаружился ряд небольших деревянных ящиков.

На каждом была металлическая табличка с номером.

— Здесь не всё, — сказал мастер. — Некоторые вещи невозможно сохранить. Некоторые я находил уже после того, как их владельцы исчезали. Другие приносили люди, которые не хотели забывать.

Он снял один ящик.

— Это принадлежало женщине. Ты лишил её имени двенадцать лет назад.

Элиас посмотрел на табличку.

041.

— Как её звали?

— Не помню.

— Вы храните вещи и не помните имён?

— Я не запоминаю лица и имена. Мне проще держать в голове другие вещи.

Орен поставил ящик на стол.

Внутри лежала детская деревянная лошадка.

У неё отсутствовала одна ножка, а на боку был вырезан маленький круг.

— Её сын сделал, — сказал Орен. — Мать хранила игрушку. После процедуры он продолжал жить. Только перестал помнить, что у него была мать.

— Сколько ему было?

— Девять.

— Что с ним стало?

— Вырос. Работает где-то в церковном управлении. Кажется, теперь у него хорошая должность.

Орен закрыл ящик.

— Забавно, да? Иногда мы уничтожаем людей, а их дети получают повышение.

Элиас посмотрел на игрушку.

— Вы обвиняете меня.

— Нет. Я говорю о том, что произошло.

— Я исполнял приговоры.

— А я ремонтировал печати. У каждого была своя работа.

Орен подошёл к следующему шкафу.

— Но ты пришёл не за нравоучениями.

Он открыл ящик с номером 086.

Внутри лежали часы.

Карманные, серебряные, с треснувшим стеклом. Стрелки остановились на семи минутах одиннадцатого.

— Мужчина, — сказал Орен. — Ты провёл процедуру в присутствии его жены. Она стояла у стены и держала платок.

Элиас не отводил взгляда от часов.

— После процедуры жена попросила оставить ей хотя бы это.

— И?

— Ты отказал.

Элиас почувствовал неприятное напряжение в груди.

— Откуда вы знаете?

— Я был там.

— Вы участвовали в процедуре?

— Нет. Я обслуживал механизм.

— Вы видели меня?

— Видел твои руки.

Орен повернулся к нему.

— Ты тогда снял перчатку. На левой ладони был ожог. Такой же, как сейчас.

Элиас посмотрел на свою руку.

— У меня нет ожога.

— Вот именно.

Старик открыл ящик и достал часы.

— Хочешь услышать их?

— Они сломаны.

— Не совсем.

Орен поднёс часы к уху, осторожно нажал на боковую кнопку.

Раздался тихий щелчок.

Потом ещё один.

Внутри механизма что-то начало двигаться.

Элиас услышал голос.

Сначала едва различимый, затем всё отчётливее.

— …если он спросит, скажи, что я не сердился.

Элиас замер.

Голос принадлежал мужчине.

— Скажи ему, что я не сердился. Я просто хотел, чтобы он помнил…

Механизм остановился.

Орен убрал часы.

— Что это было? — спросил Элиас.

— Остаточное свидетельство.

— Голос?

— Не совсем. Память, закреплённая в механизме. Не спрашивай меня, как это работает. Я только научился не мешать.

Элиас протянул руку.

— Дайте их.

Орен не отдал часы.

— Зачем?

— Хочу услышать ещё раз.

— Не стоит.

— Почему?

— Потому что ты уже услышал достаточно.

— Это мой приговор?

— Нет. Это его последняя просьба.

Орен налил в две кружки горячую воду и бросил в каждую по щепотке сушёных листьев.

Они сели за верстаком.

Элиас поставил кружку перед собой, но не притронулся к ней.

— Мираэль сказала, что вы участвовали в моём восстановлении.

Орен посмотрел на него.

— Она много чего говорит.

— Это правда?

— Да.

— Вы знаете, кто я?

— Знаю, кем ты был.

— Тогда расскажите.

Орен откинулся на спинку стула.

— Не всё сразу.

— Почему?

— Потому что ты не умеешь слушать.

— Я слушаю.

— Нет. Ты ждёшь, когда услышишь то, что сможешь опровергнуть.

Элиас ничего не ответил.

Орен поднялся и подошёл к одному из шкафов. Достал толстую папку, перевязанную чёрной лентой.

На обложке стоял номер.

217.

— Ты знаешь, что это?

— Последний номер в списке.

— Правильно.

Орен положил папку на стол.

— Двести семнадцать имён. Все прошли через твои руки. Все были использованы при восстановлении твоей личности.

Элиас открыл папку.

Внутри лежали карточки. На каждой — дата процедуры, номер дела, короткое описание остаточного свидетельства.

Имена были вычеркнуты.

Не стёрты, а именно вычеркнуты несколькими чернильными линиями.

— Кто это сделал?

— Не я.

— Мираэль?

— Не знаю.

— Вы храните эту папку пятнадцать лет?

— Да.

Элиас перелистнул несколько карточек.

Один мужчина. Женщина с ребёнком. Старик. Девушка, работавшая в городской лечебнице. Мальчик, которому было четырнадцать.

На карточках повторялась одна и та же отметка:

Свидетельство принято.

— Что это означает?

— Что воспоминание этого человека перенесли в тебя.

— Все двести семнадцать?

— Не всё. Некоторые воспоминания были слишком повреждены. Некоторые не подходили. Некоторые пришлось оставить.

— Почему?

Орен посмотрел на него.

— Потому что человек не может вместить чужую жизнь без последствий.

Элиас закрыл папку.

— И что произошло со мной?

— Ты выжил.

— Это я знаю.

— Нет. Ты не знаешь.

Орен взял кружку, сделал глоток и поморщился.

— Перенос должен был уничтожить тебя. Двести семнадцать чужих жизней не могли соединиться в одном человеке без разрушения его собственной Связи. Но ты остался.

— Почему?

— Не знаю.

— Мираэль знает?

— Думаю, она знает больше, чем говорит.

— А Севериан?

Орен усмехнулся.

— Севериан знает ровно столько, сколько ему необходимо, чтобы считать себя правым.

— Он участвовал в процедуре?

— Он её санкционировал.

Элиас посмотрел на старика.

— Почему?

Орен помолчал.

— Потому что пятнадцать лет назад мир начал забывать не тех людей.

— Что это значит?

— Иногда реальность теряет свидетельства сама. Не по решению Совета, не по приказу Церкви. Просто однажды человек исчезает из чужой памяти, а документы перестают его узнавать. Сначала один. Потом несколько. Потом целые семьи.

— Я ничего об этом не слышал.

— Разумеется. Ты был занят.

Элиас медленно поднялся.

— Вы утверждаете, что я участвовал в процедуре, которая меня уничтожила?

— Да.

— Кто вынес приговор?

Орен посмотрел на него.

— Ты сам.

В мастерской стало тихо.

Элиас не сразу понял смысл сказанного.

— Объясните.

Орен достал из папки отдельный лист.

— За несколько месяцев до твоего восстановления ты пришёл ко мне. Было поздно. Ты выглядел старше, чем сейчас. На лице — кровь, на руках — следы ожогов. Ты попросил изготовить печать.

— Какую?

Орен положил лист на стол.

На нём был изображён знак, состоящий из трёх пересекающихся линий.

Элиас узнал его.

Это был знак процедуры уничтожения имени.

Но в центре находилась дополнительная отметка, которой он никогда не видел.

— Что она означает?

— Полное размыкание Связи. Не только с окружающими, но и с самим собой.

— Такая процедура невозможна.

— Была невозможна.

— Что произошло потом?

— Ты попросил меня изготовить печать. Я отказался.

— Почему?

— Потому что знал, для чего она нужна.

— И?

Орен помолчал.

— Через три дня ты вернулся. С тобой был Севериан. Он сказал, что это необходимо.

Элиас почувствовал, как напряглась челюсть.

— Вы согласились?

— Нет.

— Тогда кто изготовил печать?

— Я.

— Почему?

Орен посмотрел на него.

— Потому что ты попросил меня об одном.

— О чём?

— Сказал, что если когда-нибудь вернёшься и не узнаешь меня, я должен показать тебе вещи из этих ящиков.

Элиас опустил глаза на шкафы.

— Вы знали, что я забуду?

— Да.

— И всё равно помогли?

Орен тяжело выдохнул.

— Я думал, что спасаю тебя.

— От чего?

— От того, что ты собирался сделать.

— Что я собирался сделать?

Орен не ответил.

Он вернулся к шкафу и достал небольшой свёрток, обёрнутый серой тканью.

Развернул.

Внутри лежала металлическая печать.

Та самая, с тремя пересекающимися линиями и дополнительной отметкой в центре.

Элиас посмотрел на неё.

— Вы сохранили её?

— Да.

— Почему?

— Потому что не смог уничтожить.

— Вы говорили, что изготовили её.

— Так и есть.

— Тогда почему на ней чужая гравировка?

Орен нахмурился.

Элиас наклонился над столом.

На нижней стороне печати были вырезаны маленькие буквы.

ЭЛИАС ВЕЙН.

Ниже — дата.

Пятнадцать лет назад.

И ещё одна строка:

ПРИГОВОР ИСПОЛНИТЬ ДОБРОВОЛЬНО.

Орен медленно сел.

— Этого не было.

— Вы не видели надпись?

— Нет.

— Кто её нанёс?

Орен провёл пальцем по металлу.

— Не знаю.

Элиас поднял глаза.

— Вы лжёте?

— Нет.

Впервые за весь разговор старик выглядел испуганным.

Орен завернул печать обратно в ткань и убрал в ящик.

— Тебе нужно уйти.

— Я ещё не закончил.

— А я закончил.

— Мне нужны ответы.

— Тогда найди человека, который их знает.

— Мираэль?

— Нет.

— Севериан?

Орен усмехнулся.

— Если хочешь услышать красивую ложь, можешь вернуться к нему.

— Кто?

Старик долго смотрел на Элиаса.

— Тот, кто помнил тебя до всего этого.

— Вы говорили, что у меня не было прошлого.

— Я говорил, что не знаю, кем ты был.

— Назовите его.

Орен покачал головой.

— Не могу.

— Почему?

— Потому что имя — это тоже Связь.

Элиас сделал шаг к нему.

— Вы боитесь, что я его уничтожу?

— Я боюсь, что ты его вспомнишь.

Орен открыл входную дверь.

— Уходи.

Элиас задержался на пороге.

— Вы сказали, что двести семнадцать человек были использованы для моего восстановления. Что случилось с их собственными воспоминаниями?

Орен посмотрел на него.

— Они остались.

— Где?

Старик указал на шкафы.

— Здесь. В вещах. В обрывках записей. В предметах, которые не смогли забыть своих владельцев.

— Значит, их можно вернуть?

Орен не ответил сразу.

Потом произнёс:

— Не путай память с человеком, Элиас.

И закрыл дверь.

Элиас стоял в переулке, когда услышал звук за спиной.

Тихий скрежет.

Он обернулся.

Из щели под дверью мастерской вытягивалась тонкая красная нить.

Она медленно ползла по каменным плитам.

Элиас присел.

Нить остановилась у его ботинка.

Он не коснулся её.

Внутри мастерской что-то упало.

Затем раздался голос Орена:

— Нет. Только не сейчас.

Элиас поднялся и постучал.

Ответа не было.

Он попробовал ручку.

Дверь оказалась заперта.

— Орен!

За дверью раздались быстрые шаги.

Потом — удар.

Элиас отступил.

Нить резко натянулась и исчезла под дверью.

На камне осталась небольшая капля крови.

Элиас вынул нож и приготовился вскрыть замок.

Но прежде чем он успел коснуться двери, изнутри раздался голос.

Не Орена.

Детский.

— Ты опять оставил его одного.

Элиас замер.

Голос продолжил:

— В прошлый раз ты тоже обещал вернуться.

Он медленно опустил нож.

— Кто здесь?

Ответа не последовало.

Только три коротких удара изнутри.

Те же самые.

Элиас отступил ещё на шаг.

А затем услышал голос Орена:

— Элиас… не открывай.

После этого в мастерской погас свет.

Глава 7. Чужое детство

Свет в мастерской не вернулся.

Элиас стоял перед дверью, прислушиваясь к тишине.

— Орен?

Ничего.

Он приложил ладонь к деревянной поверхности. За дверью не было слышно ни шагов, ни дыхания, ни движения инструментов.

Только слабый скрип.

Будто кто-то медленно проводил ногтем по внутренней стороне двери.

Элиас отступил.

Слова старика звучали достаточно ясно: «Не открывай».

Но Орен мог быть ранен. Мог потерять сознание. Мог нуждаться в помощи.

Элиас достал нож, вставил тонкое лезвие между дверью и косяком и попытался нащупать механизм замка.

Раздался щелчок.

Дверь открылась.

В мастерской было темно. Из печи тянулся слабый запах угля. На полу возле верстака лежал опрокинутый стул.

Орен исчез.

Элиас достал из кармана небольшой фонарь и направил луч вдоль стен.

Инструменты лежали на местах. Ящики были закрыты. На столе стояла нетронутая кружка.

Крови не было.

Но на полу тянулась красная нить.

Она начиналась возле дальнего шкафа и уходила под тяжёлую занавеску.

Элиас подошёл ближе.

За занавеской обнаружилась узкая дверь, которой он не заметил во время первого посещения мастерской.

На ней висел небольшой медный замок.

Элиас осмотрел его.

Замок был открыт.

Он потянул дверь на себя.

За ней находилась лестница.

Лестница вела вниз, под фундамент мастерской.

Воздух становился холоднее с каждой ступенью. Каменные стены покрывала влажная плесень. Где-то в глубине капала вода.

Элиас спустился на два пролёта и оказался в небольшом помещении.

Вдоль стен стояли деревянные ящики. В центре находился старый письменный стол, на котором лежали бумаги и рас-

крытая книга.

Он направил свет на страницы.

На первой было написано:

Свидетельства, не подлежащие переносу.

Ниже шёл список.

Элиас прочитал несколько строк:

Память о первом доме.

Память о рождении.

Память о человеке, который дал имя.

Память о смерти до рождения.

Последняя запись была сделана другим почерком:

Не переносить в один носитель. Последствия непредсказуемы.

Элиас перевернул страницу.

В книге находилась схема человеческой памяти. От центральной точки отходили тонкие линии, соединявшие её с другими кругами.

На полях кто-то написал:

Если убрать все внешние свидетельства, останется только внутреннее. Но если изменить внутреннее, человек перестанет отличать себя от того, кем никогда не был.

Элиас узнал почерк.

Мираэль.

Он продолжил листать.

На последней странице находилась короткая запись:

Элиас Вейн.

Первое воспоминание: комната с жёлтым окном.

Последнее воспоминание: голос ребёнка.

Носитель не должен узнать происхождение образов.

Элиас перечитал запись.

В этот момент из дальнего угла донёсся тихий звук.

Словно кто-то ударил по дереву.

Он поднял фонарь.

У стены стоял небольшой ящик.

Крышка была приоткрыта.

Внутри лежала детская рубашка.

Белая, с потемневшими пуговицами и выцветшей вышивкой на груди. На воротнике сохранились следы засохшей крови.

Элиас поднял её.

И в ту же секунду оказался в другом месте.

Жёлтый свет падал на деревянный пол.

За окном шёл дождь.

Элиас стоял посреди комнаты, но тело было маленьким. Он видел стол почти на уровне глаз взрослого человека. Пальцы были короткими, ладони — мягкими.

На стуле сидела женщина.

Она шила.

У неё были тёмные волосы, собранные в узел, и маленький шрам возле правого уха.

Элиас знал этот шрам.

Он видел его на старой фотографии.

Женщина подняла голову.

— Ты опять не спишь?

Он хотел ответить, но изо рта вырвался детский голос:

— Я жду отца.

Женщина отложила иглу.

— Он не придёт сегодня.

— Почему?

Она посмотрела на окно.

— У него работа.

— Он обещал.

— Я знаю.

Мальчик забрался на кровать и подтянул колени к груди.

— А завтра?

Женщина подошла и поправила одеяло.

— Завтра будет лучше.

Элиас попытался рассмотреть её лицо.

Теперь он видел каждую черту.

Глаза, губы, тонкие морщинки у висков.

Это было лицо его матери.

Не образ, не случайное сходство.

Он знал это так же точно, как знал собственное имя.

Женщина поцеловала мальчика в лоб.

— Спи, маленький.

За окном раздался стук.

Три удара.

Женщина застыла.

Её лицо изменилось.

— Не открывай, — прошептала она.

Мальчик сел.

— Кто там?

Женщина схватила его за плечи.

— Что бы ты ни услышал, не открывай дверь.

Стук повторился.

Теперь громче.

А затем из-за двери раздался голос мужчины:

— Открой. Это я.

Женщина закрыла глаза.

— Нет, — сказала она.

Мальчик смотрел на неё.

— Это папа?

Она не ответила.

Вместо этого вынула из кармана маленький предмет и вложила ему в руку.

Круглую металлическую пластину с тремя пересекающимися линиями.

— Запомни, — сказала она. — Если однажды тебе скажут, что ты никогда не существовал, не верь.

Дверь начала открываться.

Элиас резко пришёл в себя.

Он стоял в подземной комнате, сжимая детскую рубашку.

Фонарь лежал на полу.

Дыхание сбилось. Ладони дрожали.

Он посмотрел на рубашку.

На груди была вышита буква «Э».

Не его инициалы.

Не имя.

Только одна буква.

Элиас поднял фонарь и осмотрел комнату.

На столе лежала металлическая пластина.

Та самая, которую он видел в воспоминании.

Он подошёл к ней.

Три пересекающиеся линии.

И круглая отметка в центре.

Элиас осторожно взял пластину.

Она была тёплой.

С обратной стороны находилась надпись:

НЕ ОТКРЫВАЙ ДВЕРЬ, КОГДА ОН ПОЗОВЁТ.

Элиас положил пластину на стол.

Воспоминание было слишком ясным.

Он чувствовал вес маленького тела, запах ткани, тепло женской руки. Слышал голос матери.

Но всё это не могло быть его воспоминанием.

Он родился в четыреста восемьдесят втором году.

Согласно документам, его мать не была установлена.

И всё же он только что вспомнил её лицо.

Элиас посмотрел на свои руки.

Они снова были взрослыми.

В ящике стола обнаружилась ещё одна папка.

На обложке стоял номер, знакомый по списку двести семнадцати свидетельств.

041.

Элиас открыл её.

Внутри лежала карточка женщины.

Имя было вычеркнуто, но описание сохранилось:

Возраст: приблизительно тридцать лет.

Род занятий: швея.

Семейное положение: не установлено.

Остаточное свидетельство: детская комната, жёлтое окно, ожидание отца.

Ниже стояла дата процедуры.

Элиас узнал её.

Это был один из первых приговоров, исполненных им после назначения.

Он перевернул карточку.

На обороте находилась запись:

Память передана носителю Элиасу Вейну.

Элиас медленно опустил лист.

Воспоминание о женщине действительно принадлежало одному из двухсот семнадцати человек.

Но оно содержало то, чего не могло быть в чужой памяти.

Оно содержало его самого.

Ребёнка, которого он помнил как себя.

Он открыл следующую папку.

Номер 042.

Мужчина, сорок семь лет, сапожник. Остаточное свидетельство: зимняя дорога, запах дыма, голос девочки.

Номер 043.

Женщина, шестьдесят два года, служительница лечебницы. Остаточное свидетельство: больничная палата, белая ткань, звук колокольчика.

Номер 044.

Неизвестный мужчина. Остаточное свидетельство: дом без окон, три удара в дверь.

Элиас закрыл папку.

Возможно, память не была целостной.

Возможно, перенос соединил отдельные фрагменты разных жизней.

Но тогда оставался вопрос, который он не мог отодвинуть.

Почему каждый из этих людей помнил одну и ту же комнату?

Наверху послышался скрип.

Элиас поднял голову.

Кто-то вошёл в мастерскую.

Он выключил фонарь.

Шаги были осторожными. Человек не двигал мебель, не трогал инструменты. Он шёл прямо к занавеске.

Элиас достал нож.

Дверь в подземное помещение оставалась открытой.

Шаги остановились наверху лестницы.

— Я знаю, что ты там, — произнёс женский голос.

Элиас узнал его.

Мираэль.

— Орен исчез, — сказал он.

— Знаю.

— Вы знали, что это произойдёт?

— Нет.

— Тогда почему пришли?

Она спустилась на несколько ступеней.

— Потому что ты открыл ящик.

Элиас посмотрел на детскую рубашку.

— Вы знаете, кому она принадлежала?

— Да.

— Кому?

Мираэль подошла ближе.

— Тебе.

— Она принадлежала женщине из списка двести семнадцати.

— Да.

— Я видел её воспоминание. Женщину, которая шила в комнате с жёлтым окном.

Мираэль не ответила.

— Это была моя мать?

— Нет.

Элиас сжал нож.

— Не лгите.

— Я не лгу.

— Тогда почему я помню её?

Мираэль подошла к столу и посмотрела на карточку.

— Потому что она была одной из тех, кто тебя растил.

— Но я видел себя ребёнком.

— Ты видел ребёнка, которого она любила.

— Это не ответ.

— Другого пока нет.

Элиас положил нож на стол.

— Вы говорили, что двести семнадцать воспоминаний использовали для моего восстановления. Значит, я помню их жизни?

— Не только их жизни.

— Что ещё?

Мираэль посмотрела на него.

— Их представления о тебе.

Элиас нахмурился.

— Объясните.

— Некоторые из этих людей знали тебя. Некоторые никогда не встречали. Но все они помнили что-то, связанное с твоим существованием. Один слышал о тебе от другого. Другой видел твой след. Третий хранил вещь, принадлежавшую твоей семье.

— Значит, я существовал до восстановления?

— Да.

— Кто я был?

Мираэль долго молчала.

— Ты был человеком, которого никто не мог удержать.

— Почему?

— Потому что всякий, кто пытался тебя помнить, начинал исчезать.

Элиас почувствовал холод.

— И вы решили уничтожить меня?

— Ты сам попросил.

— Вы уже говорили это.

— Потому что это правда.

— Зачем я попросил?

Мираэль отвела взгляд.

— Чтобы остановить то, что шло за тобой.

Сверху раздался глухой удар.

Мираэль резко подняла голову.

— Нам пора.

— Где Орен?

— Не знаю.

— Что с ним случилось?

— Я сказала, что не знаю.

— Кто был в мастерской?

Мираэль посмотрела на детскую рубашку.

— Тот, кого ты слышал в воспоминании.

Элиас медленно повернулся к ней.

— Мужчина за дверью?

— Да.

— Он существует?

— Не так, как мы.

— Кто он?

Мираэль приблизилась.

— Не произноси его имя, если когда-нибудь его узнаешь.

— Почему?

— Потому что имя — это не просто звук. Иногда оно открывает то, что должно оставаться закрытым.

Сверху снова послышались шаги.

На этот раз они были тяжёлыми.

Мираэль взяла папку 041 и протянула Элиасу.

— Забери.

— Почему?

— Потому что я больше не смогу её хранить.

Элиас взял папку.

— Что происходит?

— Ты начал вспоминать.

— И?

— А значит, они начали искать.

Они поднялись в мастерскую.

Дверь оставалась запертой. На полу лежала опрокинутая кружка. Возле верстака виднелись следы грязи.

Элиас остановился.

Следы обуви были небольшими.

Детскими.

Они вели к входной двери, затем обрывались.

— Здесь кто-то был, — сказал он.

Мираэль осмотрела пол.

— Нет.

— Я вижу следы.

— Ты видишь то, что оставлено для тебя.

Она подошла к двери и осторожно отодвинула засов.

Снаружи было пусто.

Элиас вышел первым.

Переулок выглядел так же, как час назад. Тёмные стены, мокрые камни, пустые окна.

Он сделал несколько шагов.

На противоположной стороне улицы стоял мальчик.

Тот самый.

Тёмная одежда, неподвижная поза, лицо, которое невозможно было рассмотреть.

Элиас остановился.

— Ты.

Мальчик не ответил.

Мираэль вышла следом.

Увидев его, она резко побледнела.

— Не смотри на него, — сказала она.

Элиас не отвёл взгляда.

— Кто он?

— Не знаю.

— Вы лжёте.

— Возможно.

Мальчик поднял руку.

В ней была маленькая деревянная лошадка.

Та самая, которую Элиас видел в первом ящике Орена.

Мальчик поставил игрушку на камень.

Потом произнёс:

— Ты обещал вернуться.

Элиас сделал шаг вперёд.

— Куда?

Мальчик посмотрел на него.

Впервые Элиас услышал его голос отчётливо.

— Туда, где ты умер.

После этих слов мальчик исчез.

Не растворился в воздухе, не отступил за угол.

Просто перестал находиться на улице.

На камне осталась деревянная лошадка.

Элиас подошёл к ней.

На её боку был вырезан маленький круг.

Он поднял игрушку.

Внутри, под деревянным основанием, обнаружилась тонкая полоска бумаги.

На ней было написано:

ЭЛИАС ВЕЙН.

ДАТА СМЕРТИ: 14 ОКТЯБРЯ 503 ГОДА.

Элиас перечитал дату.

Ту самую дату, когда он, согласно документам, поступил на службу в Палату Последнего Свидетеля.

Мираэль подошла к нему.

— Теперь ты понимаешь?

Элиас не ответил.

Он смотрел на дату.

В его жизни не было дня, который он мог бы назвать первым.

Но теперь у него был день, когда его жизнь закончилась.

И день, когда началась чужая.

Глава 8. Три удара

Мальчик исчез, но деревянная лошадка осталась.

Элиас поднял её с каменных плит. Игрушка была старой, вырезанной из цельного куска дерева. Одно ухо отсутствовало, на боку темнело пятно, похожее на след от ожога. Краска давно облупилась, обнажив светлую древесину.

На животе кто-то выжег дату.

14 октября 503 года.

Элиас провёл пальцем по цифрам.

— Ты знаешь, что это значит? — спросил он.

Мираэль стояла у стены мастерской. Её лицо казалось особенно бледным в сером утреннем свете.

— Знаю.

— Тогда говори.

— Нет.

Элиас медленно поднял голову.

— Ты уже достаточно сказала, чтобы втянуть меня в это.

— Я не втягивала тебя. Ты сам пришёл.

— Ты знала, что я найду здесь.

— Не всё.

— Но достаточно.

Мираэль посмотрела на лошадку.

— Эта игрушка не принадлежала тебе.

— Я понял.

— Нет, Элиас. Ты не понял. Она принадлежала человеку, который считал, что однажды ты вернёшься домой.

Он снова посмотрел на дату.

— Чья это дата?

— Твоя.

— Моя смерть?

Мираэль не ответила.

За их спинами стояла мастерская. Дверь в подсобное помещение оставалась закрытой. Именно туда ушёл Орен, когда попросил их не открывать дверь. После исчезновения мальчика они проверили помещение: пустой стол, открытый ящик, лампа, которая продолжала гореть. Ни Орена, ни следов борьбы.

Только на полу возле стола лежал его нож для бумаги.

Элиас поднял его, когда они уходили. Оставлять чужие вещи без присмотра он не любил. Особенно вещи людей, которые могли ещё вернуться.

— Мы должны найти Орена, — сказал он.

— Должны, — согласилась Мираэль.

— Ты даже не собираешься помогать?

— Я помогу, когда пойму, что именно мы ищем.

— Человека.

— Ты уверен, что он всё ещё человек?

Элиас сжал рукоять ножа.

— Не начинай.

— Я не начинаю. Я пытаюсь понять, почему его мастерская исчезает из памяти людей, которые выходят отсюда.

— Что?

Мираэль посмотрела на него.

— Когда мы вошли, здесь было три человека. Ты, я и Орен. Ты помнишь его лицо?

Элиас нахмурился.

Он помнил голос. Грубый, с хрипотцой. Помнил руки с пятнами старого ожога. Помнил привычку Орена стучать ногтем по столу, когда тот раздражался.

Лицо вспоминалось хуже.

— Помню.

— Опиши.

Элиас открыл рот и замолчал.

Он видел перед собой пожилого мужчину. Седые волосы, тяжёлые веки, глубокие складки возле рта. Но стоило попытаться восстановить точные черты, как они расплывались. Будто память удерживала не лицо, а его описание.

— Он был здесь, — произнёс Элиас.

— Да.

— Я разговаривал с ним.

— Да.

— Значит, он существовал.

— Пока ты помнишь, что разговаривал с ним.

Мираэль отвела взгляд.

Элиас убрал нож во внутренний карман.

— Ты знаешь, что происходит с ним.

— У меня есть предположение.

— Говори.

— Орен мог оказаться по ту сторону двери.

— Там пустое помещение.

— Для тебя.

Он шагнул к ней.

— Хватит говорить загадками.

Мираэль выдержала его взгляд.

— Если дверь открылась не в то место, куда должна была, ты можешь искать Орена всю жизнь и не найти даже его следов. А если он сам открыл её, значит, знал, что за ней находится.

— Почему он ничего не сказал?

— Возможно, потому что ты уже однажды заставил его молчать.

Элиас хотел спросить, когда именно это произошло, но Мираэль отвернулась.

— Я не пойду с тобой в Палату.

— Почему?

— Потому что там меня помнят.

— Ты говорила, что умерла двенадцать лет назад.

— Одно другому не мешает.

Она направилась к выходу.

— Мираэль.

Она остановилась, не оборачиваясь.

— Если ты снова исчезнешь, я найду тебя.

— Вот этого я и боюсь.

Она вышла на улицу.

Элиас остался один.

Он ещё раз посмотрел на деревянную лошадку. Затем положил её в сумку рядом с папкой женщины №041.

На мгновение ему показалось, что из мастерской донёсся стук.

Один короткий удар.

Он обернулся.

Тишина.

В Палату Элиас вернулся после полудня.

День выдался холодным. Над крышами Вальдрена висели тяжёлые облака, и ветер гнал по мостовой мелкую пыль. У входа в здание стояли двое служителей Церкви. Один проверял документы посетителей, другой заносил имена в журнал.

Элиас прошёл без проверки.

Его лицо знали.

Впрочем, теперь он уже не был уверен, что это преимущество.

Внутри пахло воском, камнем и влажной бумагой. Коридоры оставались такими же, какими он их помнил: высокие потолки, узкие окна, двери с бронзовыми табличками. За пятнадцать лет работы здесь мало что изменилось.

И всё же он заметил то, чего раньше не видел.

На стене возле лестницы висела памятная доска. Имена служителей, погибших при исполнении обязанностей. Среди них были люди, с которыми Элиас работал, пил, спорил. Некоторые умерли давно, другие — совсем недавно.

Он остановился перед доской.

В нижнем ряду обнаружилось свободное место.

Прямоугольник более светлого камня. Размером с табличку.

Элиас коснулся его пальцами.

— Что вы делаете?

За спиной стоял молодой архивный служитель.

— Чья здесь была табличка?

— Какая?

Элиас указал на пустое место.

Служитель посмотрел туда, куда он показывал.

— Здесь никогда ничего не было.

— Вы уверены?

— Я ежедневно прохожу по этому коридору.

— Это не ответ.

Молодой человек нахмурился.

— Простите, господин Вейн. Вы хотите, чтобы я вызвал кого-нибудь?

Элиас убрал руку.

— Нет.

Он продолжил путь.

В архиве кадровых записей его встретила регистраторша по имени Лиара. Элиас помнил её ещё с первых лет службы: невысокая женщина с прямой спиной и привычкой держать карандаш за правым ухом.

Она поднялась из-за стола.

— Господин Вейн. Вас не ожидали.

— Мне нужен журнал поступлений за 503 год.

— Какой месяц?

— Октябрь.

— Причина запроса?

— Личная проверка.

Лиара протянула руку.

— Ваш служебный знак.

Элиас положил знак на стол.

Она сверила номер, затем достала из шкафа толстый журнал в кожаном переплёте.

— Пожалуйста, не повреждайте страницы. Это единственный оригинал.

— Понимаю.

Он открыл журнал на нужной дате.

Запись нашлась быстро.

14 октября 503 года.

Элиас Вейн.

Назначение: младший исполнитель Палаты.

Основание: подтверждённая квалификация.

Под записью стояла подпись.

Его подпись.

Элиас долго смотрел на неё. Буква «В» имела характерный излом, а последняя черта уходила вниз, как всегда, когда он торопился.

— Здесь есть исправления? — спросил он.

Лиара наклонилась над страницей.

— Нет.

— Переписывали лист?

— Нет. Переплёт оригинальный.

— Чернила?

— Обычные архивные.

Элиас достал из кармана деревянную лошадку и положил рядом с журналом.

— Посмотрите на дату.

Лиара прочитала цифры.

— Четырнадцатое октября.

— Что вы знаете о моём поступлении?

— То, что написано в журнале.

— Я пришёл сюда в двадцать три года.

— Да.

— А сколько мне было на эту дату?

— Не знаю.

— Посчитайте.

Она посмотрела на него с лёгким раздражением, но всё же открыла соседний справочник. Через минуту её лицо изменилось.

— Вы родились в 465 году.

— Значит?

— На дату поступления вам было тридцать восемь.

Элиас не двигался.

— Мне было двадцать три.

— В личном деле указано тридцать восемь.

— Покажите личное дело.

Лиара закрыла журнал.

— Господин Вейн, возможно, стоит обратиться к старшему регистратору.

— Покажите дело.

— Я не имею права выдавать личные дела без письменного распоряжения.

— Я имею право получить собственное.

— Не в таком порядке.

Он посмотрел на неё.

Лиара выдержала взгляд, но её пальцы уже сжали край

стола.

— Вы меня помните? — спросил Элиас.

— Разумеется.

— Сколько лет?

— Простите?

— Сколько лет вы меня знаете?

— С момента вашего назначения.

— Это было пятнадцать лет назад.

— Да.

— Значит, вы помните меня с того дня, когда мне было тридцать восемь.

— Да.

— А я помню, что мне было двадцать три.

Лиара медленно отступила от стола.

— Господин Вейн, я не понимаю, к чему вы ведёте.

— Я тоже.

Он забрал лошадку.

— Дайте мне журнал за день до поступления.

— Для чего?

— Проверить соседние записи.

Лиара колебалась несколько секунд, затем достала второй том.

Элиас нашёл нужную страницу.

13 октября.

Записи о назначениях, переводах, увольнениях.

Ничего необычного.

14 октября.

Его имя.

15 октября.

Ничего необычного.

Он уже собирался закрыть книгу, когда заметил тонкую линию в нижней части страницы. Чернила были темнее остальных. Запись находилась под служебной печатью, почти у самого корешка.

Элиас осторожно повернул том к свету.

Элиас Вейн.

Статус: умер.

Дата смерти: 14 октября 503 года.

Он перечитал запись.

Потом ещё раз.

Под ней стояла подпись.

Та же самая.

Его рука.

— Кто внёс это? — спросил он.

Лиара побледнела.

— Этого не может быть.

— Кто внёс запись?

— Я не знаю.

— Подпись моя.

— Я вижу.

— Я не мог подписать её.

Лиара подняла глаза.

— Почему?

Элиас посмотрел на неё.

— Потому что я был жив.

Она молчала.

В коридоре за дверью прошли люди. Послышались шаги, обрывок разговора, смех. Обычная жизнь Палаты продолжалась, не обращая внимания на то, что в одном из её архивов человек был одновременно принят на службу и признан умершим.

— Господин Вейн, — тихо произнесла Лиара. — Вам лучше уйти.

— Почему?

— Я не знаю.

— Тогда не решайте за меня.

— Я не решаю. Я просто… — Она запнулась. — Я не хочу, чтобы вы оставались здесь.

Элиас заметил, что она смотрит не на него, а на его левую руку.

На перчатку.

— Что вы видите? — спросил он.

Лиара резко отвела глаза.

— Ничего.

— Вы смотрели на мою руку.

— Пожалуйста, уходите.

Элиас закрыл журнал.

— Я вернусь.

— Не возвращайтесь.

Он забрал свой служебный знак и вышел из архива.

В коридоре его ждал мужчина в чёрном церковном одеянии.

Севериан Мор.

Севериан стоял у окна, сложив руки за спиной. Он выглядел так, словно ожидал Элиаса уже несколько часов, хотя тот не получал никаких распоряжений о встрече.

— Господин Вейн, — произнёс он. — Вы сегодня много работаете.

— Не больше обычного.

— Обычное теперь трудно определить.

Элиас остановился в нескольких шагах.

— В архиве есть запись о моей смерти.

Севериан повернулся.

— Я знаю.

— Она датирована тем же днём, когда меня приняли на службу.

— Да.

— Подписана моей рукой.

— Да.

Элиас посмотрел на него внимательнее.

— Вы не удивлены.

— Нет.

— Значит, объясните.

Севериан не сразу ответил. Он подошёл к подоконнику и провёл пальцем по тонкому слою пыли.

— Когда человека восстанавливают после полного размыкания Связи, его документы не всегда возвращаются в прежнее состояние.

— Это не объясняет запись о смерти.

— Объясняет её появление.

— Я хочу знать, почему она была внесена.

— Потому что прежний Элиас Вейн умер.

— А кто тогда поступил на службу?

— Тот, кого мы восстановили.

Элиас почувствовал, как напряглась левая рука.

— Вы называете меня копией?

— Нет. Я называю вас результатом процедуры.

— Из двухсот семнадцати чужих воспоминаний.

— Среди прочего.

— И вы считаете это достаточным основанием?

— Для чего?

— Чтобы утверждать, что я тот же человек.

Севериан посмотрел ему в глаза.

— А вы сами в этом уверены?

Элиас не ответил.

— Вы помните своё детство, — продолжил Севериан. — Помните людей, которых, как теперь выясняется, никогда не встречали. Помните дом, в котором не жили. Женщину, которая не была вашей матерью. И всё же эти воспоминания

принадлежат вам.

— Они были перенесены.

— Разве это делает их менее настоящими?

— Они не мои.

— Вы помните их как свои. Вы страдаете из-за них. Они влияют на ваши решения. Возможно, именно они и сделали вас человеком, которым вы стали.

— Вы оправдываете подмену.

— Я объясняю цену.

Элиас шагнул ближе.

— Кто был моим отцом?

Впервые за разговором Севериан отвёл взгляд.

Это длилось меньше секунды.

Но Элиас заметил.

— Вы знаете, — сказал он.

— Я знаю несколько версий.

— Какая из них верна?

— Не та, которую вы надеетесь услышать.

— Я не надеюсь.

— Тогда вы ещё не готовы к ответу.

Элиас усмехнулся без улыбки.

— Удобно.

— Это не удобство. Это осторожность.

— Для кого?

Севериан посмотрел на его левую руку.

— Для вас.

— Что означает красная линия?

Севериан не ответил.

— Она была на моей руке до восстановления?

— Да.

— Кто её оставил?

— Человек, который пытался вас удержать.

— Мой отец?

Севериан медленно вдохнул.

— Элиас, есть вещи, которые лучше не возвращать.

— Вы говорите это человеку, которого уже однажды убили.

— Именно поэтому.

Между ними повисла тишина.

Затем Севериан достал из внутреннего кармана сложенный лист.

— Вам следует прекратить поиски.

— Это приказ?

— Просьба.

— От главы Церкви?

— От человека, который видел, чем заканчиваются подобные поиски.

Элиас не взял лист.

— Что там?

— Список людей, которые ещё помнят прежнего Элиаса Вейна.

— Сколько их?

— Было семеро.

— А сейчас?

Севериан посмотрел на него.

— Двое.

Элиас медленно перевёл взгляд на лист.

— Кто остальные?

— Один из них — Орен Таль.

— Где он?

— Если бы я знал, вы бы не искали его в мастерской.

— А второй?

Севериан сложил лист обратно.

— Не задавайте этот вопрос здесь.

— Почему?

— Потому что он находится ближе, чем вы думаете.

Он убрал бумагу в карман и направился к лестнице.

— Севериан.

Глава Церкви остановился.

— Если я был мёртв, кто именно вернулся?

Североан не обернулся.

— Человек, которому дали достаточно воспоминаний, чтобы он мог жить дальше.

— А достаточно ли ему дали, чтобы он мог знать правду?

— Нет, — ответил Североан. — И это было сделано намеренно.

Он ушёл.

Элиас остался у окна.

Впервые за всё время он почувствовал не страх и не растерянность.

Злость.

Она была тихой, почти холодной. Но теперь у неё появилось направление.

Дом встретил его темнотой.

Элиас зажёг лампу, снял пальто и положил сумку на стол. Деревянную лошадку он оставил рядом с папкой №041.

На улице уже стемнело.

Он достал фотографию.

На ней по-прежнему были трое: женщина, мужчина и мальчик. Лица оставались размытыми, но надпись на обороте читалась отчётливо.

Для Элиаса. От отца.

Он перевернул снимок.

Раньше он пытался рассмотреть мужчину. Теперь решил изучить фон.

За спиной семьи виднелась стена с обоями в мелкий цветочный узор. На краю фотографии — часть деревянного стола. На столе стояла чашка.

Та самая.

Элиас достал её из шкафа.

Обычная белая чашка с трещиной возле ручки. Он не помнил, откуда она взялась. Но после первой процедуры уничтожения имени именно её он заметил в комнате, когда остальные предметы потеряли значение.

На дне чашки обнаружилась тонкая красная полоска.

Элиас поднёс её к лампе.

Полоска была не нарисована. Под глазурью лежала красная нить, вплавленная в керамику. Она проходила по дну, огибала небольшую трещину и исчезала под стенкой чашки.

Он провёл ногтем по поверхности.

Нить не двигалась.

В дверь постучали.

Элиас замер.

Три удара.

Ровных, с одинаковыми промежутками.

Он положил чашку на стол и подошёл к двери.

— Кто?

Ответа не последовало.

Он посмотрел в глазок.

Пустая лестничная площадка.

Элиас не открыл.

Три удара повторились.

На этот раз они прозвучали не снаружи.

Из комнаты.

Он медленно обернулся.

На столе лежала фотография. Красная нить, которой раньше не было, тянулась от края снимка к деревянной лошадке.

Элиас подошёл ближе.

Нить была тонкой, почти прозрачной. Она выходила из-под фотографии и обвивала переднюю ногу игрушечной лошади. Затем уходила к чашке.

Он коснулся её.

В ту же секунду лампа погасла.

Комната погрузилась во тьму.

Элиас отступил, нащупывая край стола. В темноте послышался тихий скрип дерева. Потом — звук, похожий на детское дыхание.

— Кто здесь?

Никто не ответил.

Он достал огниво, зажёг лампу и снова посмотрел на стол.

Нить исчезла.

Но фотография изменилась.

Теперь на ней было четыре человека.

Женщина стояла у стола. Мальчик сидел рядом с ней. Мужчина находился за их спинами.

А четвёртый человек стоял возле двери.

Элиас узнал собственную одежду.

Тёмный мундир Палаты. Перчатка на левой руке. Лицо, которое он видел каждое утро в зеркале.

Он был старше, чем сейчас. Значительно старше. Волосы почти полностью седые, под глазами глубокие складки. На шее темнела полоса, похожая на след от верёвки.

Но страшнее было не это.

На обороте фотографии появилась новая надпись.

Почерк был его.

Я вернулся за вами.

Элиас перевернул снимок ещё раз.

Под первой надписью проступили новые слова.

Не открывай дверь на третий удар.

В коридоре раздался первый стук.

Элиас медленно поднял голову.

Второй удар прозвучал через несколько секунд.

Он посмотрел на дверь.

Третий удар не последовал.

Вместо него кто-то тихо произнёс из-за двери:

— Папа?

Элиас перестал дышать.

Голос был детским.

И он знал этот голос.

Не потому, что слышал его раньше.

Потому что помнил, как однажды сам произнёс эти слова.

В другой комнате.

В другом доме.

За пятнадцать лет до того, как его приняли на службу.

Он сделал шаг к двери.

Потом остановился.

На столе лежала деревянная лошадка. В её выжженную дату медленно вползала тонкая красная линия.

14 октября 503 года.

Элиас посмотрел на свою левую руку.

Под перчаткой что-то шевельнулось.

Он снял её.

Красная нить, прежде скрытая под кожей запястья, теперь выступала наружу. Она была тонкой, как волос, и уходила под рукав.

Элиас потянул за неё.

Боль оказалась такой сильной, что он едва не упал.

Нить натянулась.

За дверью снова заговорили:

— Ты обещал вернуться.

Элиас отпустил руку.

И впервые за много лет не смог заставить себя сделать следующий шаг.

Потому что голос за дверью принадлежал не мальчику.

Он принадлежал человеку, которого Элиас убил.

В ту ночь Элиас не спал.

Он сидел у стола, держа перед собой фотографию, чашку и деревянную лошадку. Красная нить больше не появлялась. Кожа на запястье оставалась целой, но под ней сохранялось слабое жжение.

Когда за окном начало светать, он заметил ещё одну деталь.

На фотографии мужчина за спиной женщины держал руку на плече мальчика.

На его пальце было кольцо.

Такое же кольцо Элиас носил пятнадцать лет назад.

Он помнил, как снял его перед первой процедурой уничтожения имени.

Помнил, как положил на стол.

Помнил, что кольцо принадлежало человеку, которого он должен был стереть.

Но теперь на фотографии оно было на руке мужчины, которого Элиас называл отцом.

Он перевернул снимок.

Под надписью «Для Элиаса. От отца» проступили ещё три слова.

Ты убил меня.

Элиас долго смотрел на них.

Затем открыл папку №041 и нашёл список воспоминаний.

Женщина. Детская рубашка. Жёлтая комната. Ожидание отца.

Ниже, в самом конце страницы, стояла запись, которую он раньше не заметил.

Мужчина №001.

Статус: свидетельство сохранено частично.

Имя: не подлежит восстановлению.

Последний контакт: 14 октября 503 года.

Элиас закрыл папку.

Внизу страницы, почти у самого края, была приписка.

Не позволять Элиасу Вейну вспомнить, кто открыл дверь.

Глава 9. Мужчина №001

Утром Элиас сжёг перчатку.

Он долго держал её над пламенем свечи, наблюдая, как темнеет кожа, как сначала скручиваются края, а затем начинают выступать мелкие пузырьки. Запах горелой ткани наполнил комнату.

Красная нить больше не появлялась.

На запястье остался тонкий след — едва заметная линия, уходившая под рукав. Элиас провёл по ней ногтем. Кожа была гладкой. Ни раны, ни шрама.

Он надел другую перчатку.

Потом убрал фотографию, чашку и деревянную лошадку в сумку. Папку №041 положил отдельно.

Перед выходом он ещё раз посмотрел на дверь.

Ночью за ней никто больше не говорил.

Это не означало, что там никого не было.

Архив первоначальных свидетельств находился под старым зданием Палаты.

Официально он считался закрытым. После реформы учёта все действующие записи перенесли в новые хранилища, а старые фонды признали утратившими юридическую силу. В документах значилось, что помещение опечатано в 476 году.

Элиас знал, что это неправда.

Он сам несколько раз спускался туда в первые годы службы.

Тогда ему поручали сверять старые приговоры с новыми реестрами. Работа была скучной, но простой: найти имя, проверить печать, перенести дату, уничтожить дубликат.

Теперь он понимал, что не все дубликаты были лишними.

Вход располагался за лестницей, ведущей к бывшей комнате допросов. Тяжёлая дверь была закрыта на два замка. Первый открывался служебным ключом, второй требовал личной печати.

Элиас приложил знак Палаты.

Замок щёлкнул.

Второй механизм не отреагировал.

Он снял перчатку и прижал ладонь к металлической пластине.

Несколько секунд ничего не происходило.

Затем изнутри двери донёсся тихий звук.

Будто кто-то провёл ногтем по дереву.

Замок открылся.

Элиас посмотрел на ладонь.

Красная линия под кожей слегка потемнела.

— Значит, всё-таки помнишь, — произнёс он.

Дверь медленно подалась внутрь.

За ней начиналась узкая лестница.

Внизу было холоднее.

Старые архивы не отапливались, и воздух пах влажным камнем, пылью и железом. Вдоль стен стояли металлические шкафы с выцветшими номерами. На полу виднелись следы от тяжёлых тележек.

Элиас зажёг переносную лампу.

На ближайшем шкафу сохранилась табличка:

ПЕРВИЧНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА. 451–503 ГОДЫ.

Он открыл дверцу.

Внутри лежали сотни папок. Одни были перевязаны бечёвкой, другие закрыты сургучными печатями. На некоторых не осталось надписей.

Элиас начал с последней даты.

14 октября 503 года.

В архиве не оказалось ни одного дела с таким обозначением.

Он проверил соседние даты. Тринадцатое октября, пятнадцатое, шестнадцатое. Все записи были на месте.

Четырнадцатое отсутствовало целиком.

Не отдельная папка.

Не отдельный лист.

Весь день.

Элиас закрыл шкаф.

На противоположной стене висела схема старого архивного учёта. Он помнил её с прежней работы. Каждое первичное свидетельство получало номер по порядку регистрации, независимо от даты.

Если мужчина №001 действительно существовал, его дело должно было находиться в первом фонде.

Элиас прошёл к дальнему ряду.

Там стоял низкий шкаф без таблички. На дверце виднелась круглая выемка для печати. Внутри замка застрял кусок красного воска.

Он достал из кармана нож Орена и осторожно поддел край.

Печать раскрошилась.

Дверца открылась.

Внутри лежала одна папка.

На обложке не было имени. Только номер:

001.

Элиас не сразу взял её.

Слишком много совпадений начинали складываться в одну картину. Дата смерти. Подпись. Красная нить. Мужчина, которого он убил. Отец на фотографии.

Он открыл папку.

Внутри находились четыре листа.

Первый содержал стандартную форму регистрации свидетеля.

Номер: 001.

Пол: мужской.

Возраст: не установлен.

Имя: изъято.

Статус: свидетель первичного события.

Сохранность Связи: критическая.

Внизу стояла отметка:

Свидетель не подлежит уничтожению до завершения процедуры восстановления.

Элиас перечитал последнюю строку.

— Какого восстановления?

Ответа не было.

Второй лист оказался протоколом допроса.

Большая часть текста была перечёркнута. Чернила на бумаге потемнели, а в некоторых местах волокна словно выгорели изнутри.

Уцелело несколько строк.

«Событие произошло до регистрации рождения объекта».

«Свидетель утверждает, что объект уже существовал».

«Свидетель отказывается признать замену».

«Свидетель называет объект сыном».

Элиас почувствовал холод в пальцах.

Он положил лист на стол.

Сын.

Слово было написано обычными чернилами, но выглядело чужим среди сухих архивных формулировок.

Он перешёл к третьему листу.

Это была запись о последнем контакте.

Дата: 14 октября 503 года.

Место: жилой сектор Вальдрена.

Участники: мужчина №001, объект Элиас Вейн.

Результат: размыкание Связи.

Под текстом находилась подпись исполнителя.

Элиас узнал её раньше, чем успел прочитать имя.

Свою.

Он опустился на ближайший стул.

Долго смотрел на документ, пытаясь найти ошибку. Перепутанную дату, неверный номер, чужую подпись.

Но подпись была его.

И печать тоже.

Он перевернул лист.

На обратной стороне карандашом было написано:

Он не хотел, чтобы мальчик помнил.

Элиас перечитал фразу.

Затем услышал шаги.

Он поднял голову.

В конце прохода стояла женщина.

Невысокая, в сером архивном платье, с короткими тёмными волосами. На груди висел знак старшего хранителя.

Элиас не слышал, как она спускалась.

— Вы не должны находиться здесь, — сказала она.

— Это архив Палаты.

— Уже нет.

— Тогда почему дверь открылась?

Женщина посмотрела на его руку.

— Потому что она узнала вас.

— Кто вы?

— Нера Соль. Хранитель старого фонда.

— Вас нет в штатном расписании.

— В штатном расписании много кого нет.

Она подошла ближе, остановившись у соседнего шкафа.

— Положите папку на место.

— Нет.

— Тогда хотя бы не открывайте четвёртый лист.

Элиас посмотрел на папку.

— Почему?

— Потому что после него вы перестанете искать мужчину №001.

— И что произойдёт?

— Вы начнёте искать себя.

— Я уже этим занимаюсь.

Нера покачала головой.

— Нет. Вы ищете человека, которого считаете собой. Это не одно и то же.

Элиас поднялся.

— Вы знаете, кто такой мужчина №001?

— Я знаю, что он не должен был стать первым.

— Кто должен был?

— Вы.

Она сказала это спокойно.

Элиас почувствовал, как внутри что-то сжалось.

— Объясните.

— В старом учёте номер присваивался не человеку, а событию. Первое свидетельство, которое удалось сохранить, получало номер один. Мужчина №001 был первым, кто подтвердил, что вы существовали до официальной регистрации.

— До моего рождения?

— Именно.

— Это невозможно.

— В этом архиве слишком много невозможного.

Нера протянула руку.

— Отдайте папку.

— Вы сказали, что мужчина не должен был стать первым.

— Потому что до него существовали другие свидетельства. Их уничтожили.

— Кто?

— Вы.

Элиас не шелохнулся.

— Я не мог.

— Вы уже говорили это.

— Когда?

Нера посмотрела на него с выражением усталости.

— В прошлый раз.

В подземном помещении стало очень тихо.

— Вы меня помните?

— Нет.

— Тогда откуда знаете?

— Я помню, что вы спрашивали.

— Это не одно и то же.

— Теперь вы понимаете.

Она подошла к столу и коснулась края четвёртого листа.

— Положите папку, Элиас.

Он не двинулся.

— Что там?

— Последнее свидетельство.

— Чьё?

— Ваше.

Четвёртый лист был сложен вдвое.

Элиас развернул его.

Это оказался не протокол и не служебная запись. Обычный лист бумаги, исписанный от руки. Почерк был неровным, с сильным нажимом. В некоторых местах чернила расплылись, будто писавший часто останавливался и долго держал перо на одном месте.

Вверху стояла дата.

14 октября 503 года.

Ниже:

«Если ты читаешь это, значит, снова ничего не помнишь».

Элиас почувствовал, как похолодела спина.

«Я не знаю, сколько раз ты уже возвращался. Орен говорит, что три. Мираэль считает, что пять. Севериан не считает вовсе».

Он поднял глаза.

Нера стояла неподвижно.

— Это написано мной?

— Да.

Элиас продолжил.

«Ты снова спросишь, кто я. Я снова не отвечу. Не потому, что не хочу. Потому что каждый раз, когда ты узнаёшь моё имя, оно становится частью тебя. А когда ты пытаешься

вспомнить меня, я начинаю исчезать».

Ниже шла новая строка.

«Ты не должен искать своего отца. Ты уже нашёл его однажды».

Элиас перечитал слова.

Потом перевернул лист, но на обратной стороне ничего не было.

— Кто написал это? — спросил он.

Нера ответила не сразу.

— Вы.

— В каком возрасте?

— Не знаю.

— Это моя подпись?

— Здесь нет подписи.

— Тогда почему вы уверены?

— Потому что я слышала, как вы диктовали эти слова.

— Когда?

— В тот день, когда вас не стало.

Элиас положил лист.

— Что произошло четырнадцатого октября?

— Вы пришли сюда с мужчиной №001.

— Зачем?

— Чтобы завершить процедуру.

— Какую?

Нера посмотрела на папку.

— Ту, которая должна была уничтожить его.

Элиас почувствовал, как в памяти вспыхнуло что-то короткое.

Деревянная дверь.

Жёлтый свет.

Чужая ладонь на его плече.

Голос мужчины:

«Не смотри на меня. Смотри на дверь».

Вспышка исчезла.

— Я убил его? — спросил Элиас.

Нера опустила глаза.

— Вы пытались.

— А потом?

— Потом он сделал то, чего никто не ожидал.

— Что?

— Назвал вас по имени.

Элиас ждал продолжения.

Нера молчала.

— И всё?

— Нет.

Она повернулась к шкафам.

— Когда он произнёс ваше имя, система зарегистрировала два свидетельства одного человека. Одно — о том, что вы существуете. Второе — о том, что вы никогда не рождались.

— Противоречие.

— Да.

— И что произошло?

— Реальность попыталась выбрать, какое свидетельство сохранить.

— Какое выбрала?

Нера посмотрела на него.

— Ни одно.

Элиас вспомнил слова Мираэль о людях, которые не могли удержать его в памяти. Вспомнил мальчика, который появлялся там, где не должно было остаться ни одного следа. Вспомнил фотографию, где его собственное лицо стояло рядом с человеком, которого он не мог вспомнить.

— Поэтому мужчина №001 исчез?

— Не совсем.

— Что значит «не совсем»?

Нера подошла к дальнему шкафу и открыла нижний ящик. Достала маленькую металлическую пластину.

На ней был вырезан символ.

Две пересекающиеся линии и круг, разорванный в одном месте.

Элиас узнал его.

Такой же символ был на пластине, которую женщина из воспоминания передала мальчику в жёлтой комнате.

— Откуда это у вас?

— Её оставили здесь после процедуры.

— Кто?

— Вы.

Нера положила пластину на стол.

— Вы попросили сохранить её отдельно от остальных предметов.

Элиас коснулся металла.

В ту же секунду в голове возник голос.

Не детский.

Мужской.

Спокойный, усталый.

«Когда придёт время, не пытайся вспомнить меня. Вспомни, что я сделал».

Элиас резко убрал руку.

— Что это?

— Свидетельство, — ответила Нера.

— Чего?

— Того, что мужчина №001 не был уничтожен.

— Где он?

— Я не знаю.

— Вы знаете больше, чем говорите.

— Да.

— Тогда почему молчите?

Нера посмотрела на него.

— Потому что я не уверена, что вы сейчас тот, кому мож-

но доверять эту правду.

Элиас медленно убрал металлическую пластину в карман.

— Вы понимаете, что я могу доложить о вас?

— Конечно.

— Вас лишат должности.

— У меня её нет.

— Вас могут уничтожить.

— Меня уже уничтожали.

Она сказала это без гордости и без страха.

Просто как факт.

Элиас закрыл папку.

— Где найти Мираэль?

— Она сама вас найдёт.

— А Орен?

Нера впервые за разговор посмотрела ему прямо в глаза.

— Если Орен ещё существует, он не захочет, чтобы вы его нашли.

— Почему?

— Потому что именно он открыл дверь.

Элиас поднялся из архива ближе к вечеру.

Нера не пыталась его остановить. Она лишь попросила оставить папку №001 на месте.

Он отказался.

На лестнице он несколько раз оглянулся, но женщина не вышла следом.

Когда Элиас достиг верхней двери, замок закрылся сам собой.

Он не стал проверять его повторно.

На улице моросил дождь.

Вальдрен казался обычным городом: торговцы закрывали лавки, рабочие возвращались домой, служители Церкви раздавали вечерние объявления. На площади кто-то играл на скрипке.

Элиас остановился возле фонтана.

Ему нужно было решить, куда идти дальше.

К Мираэль — за объяснениями.

К Северианy — за ответами.

К Орену — если тот ещё существовал.

Он достал из кармана металлическую пластину и посмотрел на символ.

Потом заметил человека на другой стороне площади.

Мужчина стоял под навесом закрытой лавки. Высокий, в длинном тёмном пальто. Лицо скрывала тень.

Элиас не видел его достаточно хорошо, чтобы узнать.

Но мужчина поднял руку.

На его пальце блеснуло кольцо.

То самое.

С фотографии.

Элиас шагнул вперёд.

Мужчина повернулся и пошёл прочь.

— Стой!

Тот не остановился.

Элиас пересёк площадь, протискиваясь между людьми. Когда он добрался до навеса, мужчина уже исчез.

На мокрой мостовой лежала красная нить.

Она тянулась от водостока к двери старого дома.

Элиас проследил за ней взглядом.

На двери висела табличка:

Дом семейных свидетельств.

Здание давно не использовалось. После переноса регистрации рождений в Палату его закрыли, а документы перевезли в центральные архивы.

Элиас подошёл к двери.

Замок был открыт.

Внутри пахло сыростью и старой бумагой. На стенах ещё сохранились выцветшие объявления о регистрации браков, рождений и смертей.

Он прошёл в главный зал.

В глубине стоял стол регистратора.

На нём лежала раскрытая книга.

Элиас подошёл ближе.

В книге была одна запись.

14 октября 503 года.

Рождение: Элиас Вейн.

Отец: не установлен.

Мать: не установлена.

Свидетель: мужчина №001.

В графе «Примечание» стояла короткая фраза:

Ребёнок родился после собственной смерти.

Элиас долго смотрел на запись.

Затем заметил, что внизу страницы есть ещё одна строка.

Она была написана другим почерком.

Свежими чернилами.

Не ищи отца. Он всё ещё держит дверь.

Элиас медленно поднял голову.

В дальнем конце зала стояла дверь.

За ней кто-то тихо постучал.

Один раз.

Потом второй.

Элиас не двинулся.

Он вспомнил фотографию.

Не открывай дверь на третий удар.

Стук повторился.

Третий.

И из-за двери раздался голос:

— Сын.

Элиас отступил.

Голос был старым, хриплым и знакомым.

— Я знаю, что ты там.

Тишина.

Затем мужчина произнёс:

— На этот раз не убивай меня.

Элиас смотрел на дверь.

Впервые за пятнадцать лет он понял, что боится не того, что может оказаться по ту сторону.

Он боялся, что узнает этот голос.

Глава 10. За дверью

— На этот раз не убивай меня.

Голос за дверью звучал спокойно. Без мольбы, без угрозы. Так говорят люди, которые уже устали бояться.

Элиас стоял посреди пустого зала.

Красная нить тянулась от раскрытой книги к порогу. Она проходила между трещинами в каменных плитах, огибала ножку регистрационного стола и исчезала под дверью.

Элиас не касался её.

— Кто ты? — спросил он.

— Ты знаешь.

— Нет.

— Знаешь. Просто не помнишь.

Элиас достал нож Орена.

— Назови имя.

За дверью послышался тихий смешок.

— У меня его больше нет.

— Тогда назови то, которым я тебя называл.

Пауза.

— Отец.

Слово прозвучало почти беззвучно.

Элиас крепче сжал рукоять ножа.

— Ты не мой отец.

— Возможно.

— Я не знаю тебя.

— Это тоже возможно.

— Тогда зачем ты пришёл?

— Потому что ты снова нашёл дверь.

Элиас посмотрел на замок.

На нём не было ни печати, ни следов взлома. Дверь оставалась закрытой, но из-под неё тянуло холодом. Не обычным сквозняком — воздух казался лишённым запаха, словно за дверью находилось помещение, в котором никогда ничего не происходило.

— Что находится за ней?

— То, что ты оставил.

— Я ничего не оставлял.

— Ты оставил меня.

Элиас сделал шаг назад.

— Почему я должен тебе верить?

— Не должен.

— Тогда дай доказательство.

— Открой дверь.

— Нет.

— Хорошо.

Мужчина замолчал.

Это оказалось неожиданнее, чем очередная загадка. Элиас ожидал уговоров, угроз, попытки надавить на воспоминания. Вместо этого за дверью воцарилась тишина.

Он медленно обошёл регистрационный стол.

На стене висел старый план здания. Элиас снял его и развернул на столе.

Дом семейных свидетельств имел два этажа и подвал. Главный зал занимал центральную часть первого этажа. За дверью, возле которой он стоял, по плану находилась небольшая комната для личных бесед.

Он знал это помещение.

Когда-то здесь принимали родителей, чьи дети рождались без зарегистрированного имени. Служители проверяли пер-

вые свидетельства, записывали показания и выдавали временные документы.

Но в плане была ещё одна деталь.

За комнатой личных бесед находилось пространство, которого не существовало на современном плане здания.

Узкий проход.

Элиас провёл пальцем по линии.

— Что там? — спросил он.

— Ты помнишь.

— Нет.

— Тогда посмотри на стену слева от двери.

Элиас поднял глаза.

Каменная кладка выглядела сплошной. Он подошёл ближе и провёл ладонью по поверхности.

В одном месте камень оказался теплее остальных.

На уровне плеча виднелась неглубокая царапина.

Две пересекающиеся линии и круг.

Тот же символ, что был на металлической пластине.

Элиас достал её из кармана.

Пластина едва заметно нагрелась.

— Приложи её, — сказал мужчина.

Элиас не двинулся.

— Что произойдёт?

— Ты увидишь то, что видел раньше.

— А ты?

— Я останусь здесь.

— Почему?

— Потому что я не могу пройти через эту стену.

— Ты за дверью.

— Я не говорил, что нахожусь за дверью.

Элиас медленно опустил пластину.

— Где ты?

— Там, где ты меня оставил.

Он не открыл дверь.

Вместо этого Элиас приложил металлическую пластину к символу на стене.

Сначала ничего не произошло.

Потом внутри кладки раздался короткий щелчок.

Один из камней сдвинулся на толщину пальца. Из образовавшейся щели потянуло холодным воздухом.

Элиас надавил.

Часть стены отъехала в сторону.

За ней обнаружился узкий проход, уходивший вниз.

Он зажёг лампу и вошёл.

Каменные ступени были покрыты пылью. На стенах сохранились следы старых креплений. Внизу виднелась металлическая дверь с круглой пластиной вместо замка.

Элиас остановился.

— Это ты построил? — спросил он.

Ответ пришёл не сразу.

— Нет.

— Кто?

— Ты.

Элиас посмотрел на дверь.

На металле были выцарапаны слова:

СВИДЕТЕЛЬСТВО НЕЛЬЗЯ УНИЧТОЖИТЬ, ПОКА

ЕСТЬ ТОТ, КТО ЕГО ПОМНИТ.

Ниже стояла дата.

14 октября 503 года.

Элиас провёл пальцем по цифрам.

— Что произошло в этот день?

— Ты умер.

— Это я уже слышал.

— Нет. Ты слышал, что тебя признали умершим. Это разные вещи.

— Объясни.

— Ты сам попросил меня сделать это.

— Что именно?

— Остановить твоё существование.

Элиас почувствовал знакомое напряжение в груди.

— Зачем?

— Потому что ты начал помнить то, чего не должен был помнить.

— Что?

— Людей, которые ещё не родились.

Элиас замер.

Вспомнились слова из тайного помещения Орена: «память о смерти до рождения».

Он медленно опустил руку.

— Что это значит?

— Ты видел их смерти.

— Кого?

— Тех, кто однажды должен был исчезнуть.

— Ты говоришь о будущем?

— Я говорю о том, что для тебя будущего больше не существовало. Ты видел события, которые ещё не получили свидетелей. И каждый раз, когда пытался рассказать о них, кто-то исчезал.

— Поэтому я попросил уничтожить себя?

— Поэтому ты попросил уничтожить всё, что связывало тебя с остальными.

— И ты согласился?

— Нет.

Элиас посмотрел на дверь.

— Тогда кто провёл процедуру?

— Ты.

Тишина.

— Я сам?

— Ты подписал приговор. Ты подготовил печать. Ты при-

вёл меня сюда. А потом попросил меня стать последним свидетелем.

— Что это означает?

— Если я забуду тебя, ты исчезнешь окончательно.

— Но я вернулся.

— Да.

— Значит, ты меня помнишь.

— Пока.

Последнее слово прозвучало почти шёпотом.

Элиас подошёл к металлической двери.

В круглой пластине имелась узкая прорезь. Он приложил к ней ладонь.

Красная линия под кожей отозвалась болью.

Дверь открылась.

Комната была небольшой.

В центре стоял деревянный стул. Напротив него находился стол с двумя чашками. На одной сохранилась тонкая трещина возле ручки.

Элиас остановился.

Та самая чашка.

Он обошёл стол и коснулся её.

Керамика была тёплой.

На дне лежала красная нить.

— Здесь ты разговаривал со мной в последний раз, — произнёс мужчина.

— Ты здесь?

— Нет.

— Тогда где?

— В том, что осталось от нашего разговора.

Элиас резко обернулся.

— Хватит.

— Хорошо.

— Я хочу видеть тебя.

— Ты не готов.

— Я сам решу.

— Ты уже решал. Семь раз.

Элиас почувствовал, как напряглась челюсть.

— Семь?

— Семь попыток. Семь раз ты возвращался. Семь раз приходил сюда. И каждый раз спрашивал, кто я.

— Почему я не помню?

— Потому что ты каждый раз забирал у меня часть памяти.

— Зачем?

— Чтобы я не мог рассказать тебе, что произошло.

Элиас медленно сел на стул.

— Ты утверждаешь, что я намеренно стирал собственную память?

— Не всю. Только ту часть, которая могла привести тебя обратно.

— Обратно куда?

— К началу.

Мужчина замолчал.

Элиас посмотрел на две чашки.

— Что в них?

— Чай.

— Ты пил его со мной?

— Да.

— Когда?

— До того, как ты решил, что меня нужно уничтожить.

Элиас поднял чашку. На дне остался тёмный след.

Внезапно перед глазами возникла комната, залитая жёлтым светом.

Деревянный стол.

Две чашки.

Мужчина напротив.

Его лицо было скрыто тенью, но Элиас видел руки. На правой руке — кольцо.

— Ты говорил, что у меня будет нормальная жизнь, — произнёс мужчина.

Элиас не понял, кому принадлежал голос.

Собственный голос ответил:

— Я сделаю всё, что смогу.

— Ты обещал, что я буду помнить тебя.

— Помню.

— Нет. Ты помнишь, что должен помнить.

Воспоминание оборвалось.

Элиас резко поставил чашку на стол.

— Что ты сделал со мной?

— Ничего.

— Я видел тебя.

— Ты вспомнил разговор.

— Твоё лицо было скрыто.

— Ты никогда не видел моего лица.

— Почему?

Мужчина не ответил.

Элиас подошёл к стене.

На ней висела небольшая фотография. Та же семья, что была на снимке у него дома. Женщина, мальчик и мужчина.

Но теперь он заметил то, чего раньше не видел.

Мальчик стоял между родителями, держась за руки обоих.

На его запястье была красная нить.

Элиас посмотрел на собственную руку.

Под кожей появилась тонкая красная линия.

Она тянулась от запястья к локтю.

— Что это?

— Связь.

— Между кем?

— Между тобой и мной.

— Почему она сохранилась?

— Потому что ты не смог её разорвать.

Элиас повернулся к двери.

— Откройся.

Дверь за его спиной была открыта.

Он посмотрел на неё, затем снова на фотографию.

— Я хочу увидеть тебя.

— Посмотри на фотографию.

— Я хочу видеть живого человека.

— Ты не сможешь.

— Почему?

— Потому что я уже не живой.

Элиас вышел из комнаты через несколько минут.

Проход казался длиннее, чем прежде. Ступени уходили вверх, и с каждым шагом боль в запястье становилась слабее.

Когда он вернулся в главный зал, там стоял человек.

Невысокий, худощавый, в потёртом пальто. На вид около пятидесяти лет. Лицо было обычным, почти незапоминающимся. Тёмные волосы с проседью, короткая борода, глубокая складка между бровями.

Человек держал в руках старую книгу.

— Вы кто? — спросил Элиас.

— Регистратор.

— Дом закрыт.

— Для большинства.

— Что вы здесь делаете?

Мужчина положил книгу на стол.

— Жду.

— Кого?

— Тебя.

Элиас достал нож.

— Назовите имя.

— У меня его нет.

— Номер?

— Ты знаешь.

Элиас замер.

Мужчина снял перчатку.

На его безымянном пальце было кольцо.

— Мужчина №001?

— Так меня называют.

— Это ты говорил со мной за дверью?

— Нет.

Элиас посмотрел на закрытую дверь.

— Тогда кто?

Мужчина положил ладонь на книгу.

— Тот, кто остался там.

— Объясни.

— Не здесь.

— Я устал от ваших правил.

— А я устал от твоих возвращений.

В голосе мужчины не было злости. Только усталость, которую невозможно было подделать.

— Ты говорил, что я убил тебя.

— Да.

— Я хочу знать, как.

— Ты не убил меня.

Элиас сжал нож.

— В архиве есть запись о процедуре размыкания.

— Ты пытался уничтожить меня. Но не смог.

— Почему?

Мужчина посмотрел на его запястье.

— Потому что я был тем, кто помнил тебя до того, как ты появился.

— Это невозможно.

— Ты уже говорил.

Элиас сделал шаг вперёд.

— Кто я?

Мужчина долго смотрел на него.

— Мальчик, которого я не смог оставить.

— Я не мальчик.

— Я знаю.

— Тогда прекрати говорить со мной так.

— Хорошо.

Мужчина открыл книгу.

На первой странице стояла дата рождения Элиаса.

14 октября 503 года.

На второй — дата его смерти.

Та же самая.

На третьей странице находилась запись о восстановлении.

Объект: Элиас Вейн.

Количество использованных свидетельств: 217.

Ответственный за процедуру: Севериан Мор.

Участники: Мираэль, Орен Таль.

Ниже было ещё одно имя.

Оно было зачёркнуто.

Но Элиас заметил, что поверх старых чернил нанесена свежая запись.

Отец: не установлен.

Мужчина закрыл книгу.

— Ты хочешь узнать, кто я?

— Да.

— Тогда сначала ответь на один вопрос.

— Какой?

— Когда ты вспоминаешь своё детство, ты видишь себя глазами мальчика или глазами человека, который смотрит на него со стороны?

Элиас не ответил.

Он никогда прежде не задавался этим вопросом.

Мужчина продолжил:

— Когда ты вспоминаешь женщину в жёлтой комнате, ты помнишь её лицо?

— Да.

— А её голос?

— Да.

— А можешь вспомнить, как она пахла? Как двигалась? Как держала чашку? Что делала, когда нервничала?

Элиас попытался.

В памяти возникла женщина.

Но она была неподвижной.

Как изображение на старой картине.

Он помнил её слова, руки, цвет платья. Помнил, как она смотрела на мальчика.

Но не помнил ни одного движения, которого не было в самом воспоминании.

— Ты понимаешь? — спросил мужчина.

Элиас медленно кивнул.

— Это не моё детство.

— Нет.

— Это чьё-то представление обо мне.

— Да.

— Тогда что принадлежит мне?

Мужчина посмотрел на него.

— Твои решения.

— И всё?

— Пока этого достаточно.

Он направился к выходу.

— Стой.

Мужчина остановился.

— Где Орен?

— Там, где ты его оставил.

— Где это?

— В комнате, которую вы построили вместе.

— Что находится за дверью?

— Последний свидетель.

Элиас посмотрел на него.

— Ты?

Мужчина покачал головой.

— Нет. Тот, кто помнит, каким ты был до меня.

— Кто это?

Мужчина впервые за разговор улыбнулся.

Улыбка была короткой и печальной.

— Ты.

Когда Элиас вышел на улицу, дождь прекратился.

Мужчина исчез.

Элиас обошёл здание, проверил соседние переулки, заглянул в закрытые лавки. Нигде не было ни следов, ни свидетелей.

Он вернулся в главный зал.

Книга лежала на столе.

Элиас открыл её на последней странице.

Там появилась новая запись.

Свидетель №001.

Статус: временно восстановлен.

Последний контакт с объектом: 14 октября 503 года.

Условие сохранения: объект должен помнить.

Ниже стояла подпись.

Не его.

Не Севериана.

Не Мираэль.

Элиас не знал этого почерка.

Но прочитал слова без труда:

Не позволяйте ему вспомнить, что он сделал с мальчиком.

Он закрыл книгу.

На улице кто-то позвал его.

— Элиас!

Он обернулся.

На другой стороне площади стояла Мираэль.

Она была без пальто, волосы намокли от дождя. В руках держала небольшой свёрток.

Элиас подошёл к ней.

— Ты следила за мной?

— Нет.

— Тогда откуда знаешь, где я?

— Потому что знала, куда ты пойдёшь.

— Ты знала о мужчине №001?

— Да.

— Знала, что он жив?

Мираэль посмотрела на дверь здания.

— Нет.

— Он был здесь.

— Я вижу.

— Ты его знаешь?

Она долго молчала.

— Я видела его однажды.

— Когда?

— Пятнадцать лет назад.

— Что произошло?

Мираэль протянула ему свёрток.

— Сначала посмотри это.

Внутри лежала старая фотография.

На ней был Элиас.

Молодой, без седины, в форме Палаты. Он стоял возле каменной стены, а рядом с ним находился Орен.

Но на заднем плане был ещё один человек.

Мираэль.

Она выглядела почти так же, как сейчас.

Элиас перевернул фотографию.

На обороте стояла дата:

14 октября 503 года.

И подпись:

Последний день перед тем, как Элиас Вейн согласился умереть.

— Ты была там, — сказал он.

— Да.

— И Орен.

— Да.

— А Севериан?

Мираэль кивнула.

— Он тоже.

Элиас снова посмотрел на снимок.

— Кто сделал фотографию?

Мираэль ответила не сразу.

— Тот, кого на ней нет.

— Кто?

Она подняла глаза.

— Ты.

Элиас почувствовал, как холодеет спина.

— Я держал камеру?

— Нет.

— Тогда как?

Мираэль посмотрела на его левую руку.

— Ты сделал её до того, как умер.

Элиас перевернул фотографию ещё раз.

В нижнем углу, почти незаметно, проступила маленькая надпись.

Для тех, кто останется.

Он поднял голову.

Мираэль смотрела на него с выражением, которого он раньше не видел.

Не страха.

Не жалости.

Вины.

— Что ты скрываешь? — спросил он.

Она не ответила.

— Мираэль.

— Я была одной из двухсот семнадцати.

Элиас замер.

— Что?

— Мои воспоминания тоже использовали при твоём восстановлении.

Он посмотрел на неё.

— Значит, часть того, что я помню…

— Принадлежит мне.

— Ты знала?

— С самого начала.

— Почему не сказала?

Мираэль отвела взгляд.

— Потому что я не хотела, чтобы ты вспомнил, как я умерла.

Элиас почувствовал, как под перчаткой снова натянулась красная нить.

— Ты мертва?

— Официально — двенадцать лет.

— А на самом деле?

Мираэль посмотрела ему прямо в глаза.

— Я не уверена, что когда-либо была той женщиной, которую ты сейчас видишь.

Она развернулась и пошла прочь.

Элиас не последовал за ней.

Он стоял на площади, держа в руках фотографию, на которой его не было.

И впервые понял, что восстановление могло быть не возвращением человека.

Возможно, это было создание нового свидетеля.

Человека, который должен был помнить всех остальных.

И однажды забыть самого себя.

Вечером, уже дома, Элиас достал из сумки папку №041.

На последней странице, под записью о женщине, которую он видел в жёлтой комнате, обнаружилась новая строка.

Раньше её не было.

Мужчина №001.

Последнее воспоминание: ребёнок в комнате без окон.

Возраст ребёнка: семь лет.

Последние слова: «Я больше не хочу быть один».

Элиас закрыл глаза.

И услышал собственный детский голос:

— Папа, не уходи.

Затем другой голос ответил:

— Я не уйду.

Элиас открыл глаза.

В комнате никого не было.

Но на столе лежала деревянная лошадка.

И рядом с ней — маленькая записка.

Ты уже оставлял меня одного.

Глава 11. Семь возвращений

Записка лежала на столе.

Элиас не помнил, чтобы оставлял её там.

Бумага была плотной, пожелтевшей по краям. На ней не было ни печати, ни подписи. Только одна фраза:

Ты уже оставлял меня одного.

Он несколько минут смотрел на неё, затем осмотрел комнату.

Окна закрыты. Замок на входной двери цел. На подоконнике нет следов грязи. Сумка с документами лежит там же, где он её оставил.

Никто не мог войти незамеченным.

Элиас взял записку двумя пальцами и поднёс к лампе.

На обратной стороне обнаружилась едва заметная вмятина. Кто-то писал на другом листе, положив его сверху. Элиас повернул бумагу под углом.

Проявились несколько слов.

Седьмой раз — последний.

Он положил записку.

На столе лежала деревянная лошадка. Элиас поднял её и осмотрел снизу. Между передними ногами обнаружилась небольшая щель. Он поддел её ногтем.

Дерево раскрылось.

Внутри находилась сложенная полоска бумаги.

На ней было написано:

Не верь седьмому возвращению.

Элиас медленно выпрямился.

Он вспомнил слова мужчины №001:

Семь попыток. Семь раз ты возвращался.

Тогда это прозвучало как обвинение.

Теперь становилось предупреждением.

В Палату он пришёл до открытия архивов.

На входе его остановил дежурный служитель.

— Господин Вейн, вас ожидают.

— Кто?

— Старший регистратор.

— Передайте, что я занят.

— Он просил передать лично.

Элиас посмотрел на служителя.

— Где он?

— В вашем кабинете.

Элиас ничего не ответил и направился по коридору.

Дверь кабинета была приоткрыта.

За столом сидел мужчина лет пятидесяти с аккуратно зачёсанными назад волосами. На его груди блестел знак старшего регистратора.

Келлен Роат.

Элиас знал его много лет. Роат редко появлялся в исполнительном крыле, предпочитая работать с документами и распоряжениями. Они никогда не были друзьями, но несколько раз вместе участвовали в разбирательствах.

— Доброе утро, — произнёс Роат.

— Вы хотели меня видеть?

— Да. Присядьте.

Элиас остался стоять.

— Говорите.

Роат сложил руки на столе.

— Вчера вы посещали закрытый архив.

— Да.

— И забрали документы, не имея разрешения.

— Да.

— Вы понимаете, что это нарушение?

— Понимаю.

— Тогда почему?

— Потому что документы касаются меня.

Роат вздохнул.

— Именно этого я и опасался.

Он открыл ящик стола и достал небольшой конверт.

— Вам передали.

— Кто?

— Не знаю.

— Когда?

— Сегодня утром. Конверт появился на моём столе.

Элиас не взял его.

— Вы открывали?

— Нет.

— Почему?

— На нём ваша фамилия.

Элиас забрал конверт.

Внутри лежал тонкий лист, исписанный знакомым почерком.

Если ты читаешь это, значит, предыдущая попытка снова закончилась неудачей.

Ниже шли семь строк.

Первое возвращение — память не удержалась.

Второе возвращение — свидетель отказался говорить.

Третье возвращение — свидетель был уничтожен.

Четвёртое возвращение — восстановление прервано.

Пятое возвращение — память перенесена.

Шестое возвращение — свидетель разделён.

Седьмое возвращение — объект признан завершённым.

Последняя строка была написана отдельно:

Не повторяй ошибку шестого возвращения.

Элиас перечитал текст.

— Вы знаете, что это?

Роат посмотрел на лист.

— Нет.

— Вы уверены?

— Да.

— Вы помните, когда я поступил на службу?

— Конечно.

— Сколько мне было лет?

Роат нахмурился.

— Тридцать восемь.

Элиас положил перед ним фотографию из дома семейных свидетельств.

— А здесь сколько?

Роат посмотрел на снимок.

— Двадцать три.

— Вы видите противоречие?

— Вижу фотографию.

— На ней я моложе.

— Да.

— Но вы помните меня только с тридцати восьми лет.

Роат медленно убрал фотографию от себя.

— Элиас, я думаю, вам стоит взять отпуск.

— Почему?

— Вы давно работаете с процедурами уничтожения. Некоторые из них оставляют последствия.

— Я не спрашивал о последствиях.

— Вы спрашиваете о вещах, которые не имеют ответа.

Элиас наклонился над столом.

— Вы помните мужчину №001?

Роат побледнел.

Это было едва заметно: лёгкое напряжение вокруг глаз, пальцы, остановившиеся над раскрытым журналом.

Но Элиас увидел.

— Значит, помните.

— Нет.

— Тогда почему испугались?

— Я не испугался.

— Вы узнали номер.

Роат закрыл журнал.

— Уходите.

— Что произошло во время шестого возвращения?

— Я не буду это обсуждать.

— Почему?

— Потому что после шестого возвращения вы приказали уничтожить всех, кто участвовал в процедуре.

Элиас замер.

— Кого?

— Всех свидетелей.

— Сколько?

Роат посмотрел на него.

— Тридцать два человека.

Он вышел из кабинета, не попрощавшись.

Тридцать два.

Элиас помнил, как подписывал приговоры, как проверял печати, как присутствовал при процедурах. Но не помнил ни одного массового уничтожения свидетелей.

На лестнице он остановился.

Внизу стояла молодая служительница. Она несла стопку документов и разговаривала с дежурным.

Когда Элиас начал спускаться, девушка подняла голову.

И выронила бумаги.

Листы разлетелись по ступеням.

— Простите, господин Вейн.

Она быстро наклонилась, собирая документы.

— Мы знакомы? — спросил Элиас.

— Нет.

— Тогда почему вы так смотрите на меня?

Девушка замерла.

— Я…

— Говорите.

Она подняла глаза.

— Моя мать говорила, что однажды вы вернётесь.

Элиас почувствовал неприятный холод в груди.

— Как зовут вашу мать?

— Она умерла.

— Имя.

— Ирина Таль.

Он узнал фамилию.

— Родственница Орена?

— Его дочь.

Элиас посмотрел на неё внимательнее.

— У Орена не было дочери.

Девушка сжала бумаги.

— Для вас — возможно.

— Где она жила?

— Здесь, в Вальдрене.

— Когда умерла?

— Пятнадцать лет назад.

— Причина?

Девушка не ответила.

Элиас заметил, что на её правой руке отсутствует мизинец. Старый шрам проходил через основание пальца.

— Как вас зовут?

— Лисса.

— Вы знали меня?

— Нет.

— Но ваша мать знала.

— Она говорила, что вы однажды спасли её.

Элиас посмотрел на лестницу.

— Я не спасал вашу мать.

— Вы не помните.

Она произнесла это без упрёка.

Элиас почувствовал, что разговор начинает приобретать опасный оборот.

— Что ещё она говорила?

Лисса достала из кармана маленький медный жетон.

На нём был изображён символ разомкнутого круга.

— Она велела отдать это вам, если вы снова появитесь.

— Почему не отдала раньше?

— Я не знала, кто вы.

— Теперь знаете?

— Нет.

Она протянула жетон.

Элиас взял его.

На обороте было выгравировано:

Шестое возвращение.

— Где вы живёте? — спросил он.

— В нижнем квартале.

— Я найду вас.

— Не надо.

— Почему?

Лисса посмотрела ему в глаза.

— Потому что в прошлый раз вы пришли за моей матерью.

Медный жетон оказался ключом.

В этом Элиас убедился через час, когда добрался до старого здания лечебницы на южной окраине города.

Когда-то здесь лечили людей, переживших разрыв Связи. Официально учреждение закрыли после эпидемии серой лихорадки. Но жетон открыл боковую дверь, ведущую в подвал.

Элиас спустился вниз.

На стенах сохранились номера палат. Некоторые двери были заколочены, другие открыты. В дальнем коридоре стоял металлический шкаф с выцветшей надписью:

ВОССТАНОВЛЕНИЕ.

Внутри лежали папки.

Он нашёл шесть.

На каждой стоял его номер.

Возвращение I.

Возвращение II.

Возвращение III.

Возвращение IV.

Возвращение V.

Возвращение VI.

Седьмой папки не было.

Элиас открыл первую.

Документы описывали человека, который не мог вспомнить собственное имя. После восстановления он прожил одиннадцать дней, прежде чем перестал узнавать людей. В конце отчёта значилось:

Процедура признана неудачной. Объект добровольно отказался от дальнейшего существования.

Подпись — Элиас Вейн.

Он открыл вторую.

На этот раз объект сохранял память, но не мог говорить. Все попытки восстановить речь приводили к исчезновению людей, находившихся рядом.

Процедура остановлена по требованию свидетеля №001.

Подпись — Элиас Вейн.

Третья папка содержала фотографию.

Элиас увидел мужчину лет сорока. Тёмные волосы, шрам под нижней губой, знакомый взгляд.

Собственное лицо.

Но выражение было другим.

На обороте фотографии стояло:

Третье возвращение. Продолжительность жизни — 19 дней.

В четвёртой папке лежали результаты измерений Связи. В графе «сохранность личности» все показатели были пустыми.

В пятой обнаружились записи о переносе воспоминаний.

Двести семнадцать свидетельств.

Элиас закрыл папку.

Шестая была самой толстой.

На первой странице находилось распоряжение:

Разделить свидетельство №001 на семь частей.

Ниже стояли подписи.

Севериан Мор.

Мираэль.

Орен Таль.

И последняя подпись — Элиас Вейн.

Он открыл следующий лист.

Там была схема.

Человеческая память изображалась в виде круга, разделённого на семь секторов. Каждый сектор имел собственный номер и описание.

I — Детство.

II — Страх.

III — Привязанность.

IV — Вина.

V — Надежда.

VI — Имя.

VII — Свидетель.

Внизу находилась запись:

Седьмую часть запрещено переносить. Она должна остаться вне объекта.

Элиас почувствовал, как в голове возникло странное давление.

Он перевернул страницу.

На ней была фотография комнаты.

Жёлтые обои.

Деревянный стол.

Две чашки.

И мальчик.

На этот раз лицо было видно.

Элиас узнал себя.

Не взрослого себя.

Ребёнка.

Семилетнего мальчика с тёмными волосами и слишком серьёзным выражением лица.

Рядом сидел мужчина.

Лица мужчины не было видно — его закрывала рука, лежавшая на плече ребёнка.

На обороте фотографии стояла запись:

Последнее воспоминание, которое удалось сохранить целиком.

Элиас перевернул снимок.

Внизу, под датой, были слова:

Мальчик не хотел возвращаться.

Он медленно опустил фотографию.

В коридоре послышался шум.

Кто-то двигал металлический предмет.

Элиас убрал документы в сумку и вышел из комнаты.

В дальнем конце коридора стояла Лисса.

— Вы не должны были сюда спускаться, — сказала она.

— Вы знали об этом месте.

— Да.

— Почему не сказали?

— Вы бы не поверили.

— Что здесь произошло?

Лисса посмотрела на открытую дверь шкафа.

— Здесь пытались вернуть вас.

— Сколько раз?

— Семь.

— Я видел шесть папок.

— Седьмая не здесь.

— Где?

Она опустила взгляд.

— У моей матери.

— Ваша мать умерла пятнадцать лет назад.

— Да.

— Тогда как папка оказалась у неё?

Лисса подняла голову.

— Потому что она была последним свидетелем шестого возвращения.

Элиас вспомнил слова Роата.

Тридцать два человека.

— Что вы сделали с ней?

— Я ничего не делала.

— Тогда кто?

— Вы.

Он сделал шаг к ней.

— Объясните.

Лисса отступила.

— Вы пришли сюда пятнадцать лет назад. Моя мать работала в лечебнице. Она помогала людям, которые не могли удержать собственную память. Вы попросили её спрятать одну из частей свидетельства.

— Какую?

— Седьмую.

— Почему?

— Она сказала, что вы боялись её увидеть.

— Что это за часть?

Лисса посмотрела на его левую руку.

— Та, которая помнит, кем вы были до того, как стали Элиасом Вейном.

Элиас почувствовал, как красная нить натянулась под кожей.

— Где сейчас эта часть?

Лисса достала из кармана маленький ключ.

— В доме моей матери.

— Вы отведёте меня туда?

— Нет.

— Почему?

— Потому что вы должны сначала ответить на один вопрос.

— Задавайте.

Лисса подошла ближе.

— Если вы узнаете, что человек, которого вы считали отцом, на самом деле был ребёнком, которого вы бросили, что вы сделаете?

Элиас не ответил.

Лисса положила ключ на стол.

— Моя мать говорила, что вы всегда отвечали одинаково.

— Как?

— «Я исправлю».

Она повернулась и пошла к выходу.

— Лисса.

Девушка остановилась.

— Что случилось с вашей матерью?

Лисса не обернулась.

— Она помнила вас слишком хорошо.

Элиас остался один.

Он ещё раз просмотрел шестую папку.

На последней странице находилась короткая запись, сделанная рукой Орена.

Разделение завершено.

Шесть частей переданы объекту.

Седьмая оставлена свидетелю.

Ниже было добавлено:

Если Элиас когда-нибудь спросит, кем он был до восстановления, не отвечать.

Под этой строкой стояла другая подпись.

Мираэль.

И ещё одна фраза:

Если он вспомнит мальчика, мы потеряем его окончательно.

Элиас закрыл папку.

Сверху, на обложке, обнаружилась маленькая надпись, которую он раньше не заметил.

Седьмое возвращение не состоялось.

Он медленно провёл по ней пальцем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.